

Олег Янков

*Слева
от Азии*

Олег Янков
Слева от Азии

«Издательские решения»

Ярков О.

Слева от Азии / О. Ярков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907968-8

Говорят, попробуй побывать в чужой шкуре, а если выпадет случай побывать в своей собственной шкуре, но изменённой настолько, что останется диву даваться — как ты смог в неё втиснуться?

ISBN 978-5-44-907968-8

© Ярков О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Слева от Азии

Олег Ярков

© Олег Ярков, 2018

ISBN 978-5-4490-7968-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕ ВАЖНО, ЧТО ПОЯВИЛАСЬ ПРИЧИНА, ПРИВЕДШАЯ К УХУДШЕНИЮ СИТУАЦИИ. ВАЖНЕЕ ТО, ЧТО ИМЕННО ЯВИЛОСЬ ТОЙ ПРИЧИНОЙ.

Глава 1

Интересная штука происходит с нами на Земле. С чем бы ты ни столкнулся, больше чем на одну секунду, свяжет тебя невидимыми нитями на долгие годы воспоминаниями об этом самом предмете столкновения. И хорошо бы только воспоминаниями. А если старательно прощупать эти нити, то среди них обнаружатся и какие-то непонятные привязанности, какие-то обязанности, и обязательства, обещания и, что самое отвратительное, нежелание, зачастую перерастающее в страх, что это самое столкновение когда-то даст о себе знать в самый неподходящий момент. Вся наша, в частности моя жизнь, наполнилась до краёв этими ожиданиями встреч с прошлым, и нежеланиями встречаться с ним. Единство и борьба противоположностей... Однажды я разоткровенничался с одним своим знакомым. Я долго и старательно переводил ему на язык слов то, что давно существовало у меня в голове в виде простого понятия. Когда я закончил говорить, исчерпав словесный эквивалент мысли знакомый, немного помолчав, сказал.

– Тебе хоть не скучно....

Я даже обалдел от такого оборота. С усилием престарелого работника сцены, самостоятельно перетаскивающего рояль из одного угла сцены в противоположный, я зашевелил мозгами, чтобы понять, к какому месту моего монолога относится эта фраза. Но мозговой рояль мне удалось дотащить только до середины сцены, поскольку рояльного перетаскивателя разбил паралич от следующих слов.

– Да-а, блин.... А у меня вчера тачку разули... на стоянке....

Работник сцены скончался в ту же секунду. Похороны состоятся в следующую субботу. К слову сказать, этот собеседник мне знаком с детского сада. Как говорил Шерлок Холмс: «Одна пара штиблет, а какие разные судьбы»....

Сейчас, вспомнив о знакомом, я сразу же позабыл, о чём вообще я рассуждал. О скуке и штиблетах.... Наверное, это даже и нормально, жить в своей, отдельно взятой и обособленно стоящей раковине. Сам себе друг и собеседник. Небо – голубое, вода – мокрая, нервы – как канаты.... Ну, почему мне так не повезло в жизни, а? Почему я не успел на раздачу этих самых индивидуальных ракушек? Жил бы сам по себе, наращивал бы мозговую силу ягодиц, смеялся бы над своими шутками и ездил по гостям в качестве пресловутого татарина к незнакомым людям, с целью проведать кого-то, кого видел в жизни всего пару раз. Всё-таки счастливые люди живут не только в кино. Их и в жизни есть.

Вот, вспомнил! Я размышлял о своей жизни, и о том, что у нас нет возможности навсегда уйти из прошлого. Наше будущее – это своеобразный коктейль, в котором перемешаны вчера, сегодня и завтра, а человек в нём – коктейльная соломинка, через которую вытекает наружу эта адская смесь. И для каждого смесь индивидуальна. И пить, это своё месиво, тоже приходится каждому индивидуально. Одни, правда, морщатся и сплёвывают, а другие просто безразлично пьют, рассматривая бездонную пустоту перед собой. Но, ни тем, ни другим, невозможно отказаться от напитка – уплачено! Значит – до дна!

Я снова отвлекаюсь от главной мысли. От того, что прошлое не отпускает меня на свободу. Мне позвонил Лесник.

– Здравствуй!

– Вот если б не было меня, и не было б причины, пролить слезу, по – поводу безвременной кончины.

– Я никогда не смогу привыкнуть к твоей болтовне. Чьи это стихи?

– Это моя новая версия надписи на моей могиле. Попросту – эпитафия.

– А попросту поздороваться? Здравствуй, дескать, Аркадий Михайлович, рад вас слышать, как здоровье?

– Здравствуйте, Аркадий Михайлович! Дескать, как здоровье, рад вас слышать! Но радость улетучивается, во всяком случае, у меня. Что-то случилось? Вы бы не стали мне звонить от скуки.

– Стал бы – не стал бы.... Звоню ведь.

– Мне надо приехать?

– Нет, надо встретить Валеру. Он всё расскажет. Сделать придётся всё в точности, как он скажет. Ни шагу в сторону.

– Значит, всё-таки, жопа....

– Не забывайся! Следи за языком, когда разговариваешь со старшим по возрасту! Что у тебя за манера высказываться? Жопа.... Да, жопа. И большая! Иначе не стал бы звонить.

– Ага, а сами-то выражаетесь! Я со своей неокрепшей психикой быстро учусь плохому. Вот запомню и начну повторять.

– Всё, шутить нет настроения. Послезавтра придет Валера. У себя его не сели. Твой друг, мент, ещё служит?

– Да, звезду себе наслужил. Обмывали недавно.

– Попроси его найти Валере угол дня на два. Теперь о деньгах. Я тебе два месяца не клал проценты на твой счёт.

– Я заметил.

– Не перебивай! Валера объяснит, почему, и вообще всё объяснит. Сделаешь так, как он скажет. Это действительно, жо.... Вот видишь?! Я уже говорю твоими словами. Ненавижу ругань! Это действительно серьёзно... и то, что произошло, и то, что он тебе поведает. Всё понятно?

– Я девушка понятливая.

– Прекрати юродствовать! Господи! За что мне такое наказание?! Всё! Устал я от тебя! Хотя... ещё одно есть. Спасибо за Харьковскую разборку. Просчитал ты всё правильно, и сделал правильный вывод. Теперь, точно всё.

– Валера привезёт мне медаль?

– Нет! Он привезёт деньги тебе на венок. Отбой.

Трубка запикала. Вот тебе и связь с прошлым. «Тебе хоть не скучно...». Как тонко подмечено. Настолько не скучно, что начали потеть ладони. Лучше бы мою машину разули на стоянке... Но у меня нет машины. Зато у меня есть наполненный до краёв коктейль, который я не заказывал, но которым меня действительно угостили. Придётся пить до конца. Просто нет выбора.

Я рассказал жене о телефонном разговоре с Лесником. Она пристально на меня смотрела всё время, пока я пересказывал нашу беседу, частенько отвлекаясь на собственную интерпретацию услышанного. Когда мне надоело делать устный пересказ, она спросила:

– Куда поедем?

– Поедем?

– Не глупи. Гнать сюда Валеру за тысячу километров для того, чтобы он подтвердил, что произошла жопа?

– Я... нет, я и сам это понял, но с чего ты....

– С того. Нам надо уехать и спрятаться где-то. Это и так понятно. Туда, куда нам надо будет ехать, Лесник отправил деньги. Ты и это сам понял?

– Нет.

– Не сомневалась. Хорошо бы в Монголию не ехать.

– А куда?

– Туда, где деньги лежат.

– Ладно. Приедет Валера и всё станет ясно. Я пока с Кириллом встречусь, пусть хату найдёт.

– Не напейтесь снова.

– Попробую. Я пошёл.

Выйдя из квартиры, я постоял, покрутив в пальцах ключи. Мысли одна сквернее другой засуетились в голове, больно ударяясь о виски. Я снова зашёл в квартиру.

– Что забыл? – спросила жена.

- Я ненавижу твою интуицию. Как зубную боль.
- Ты бы лучше уважал её и прислушивался к ней.
- Вот я её послушал и что? Теперь нам придётся куда-то сматываться.
- А так бы не пришлось?
- Ну....
- Ты идёшь или нет?
- Не пойду. Я позвоню ему.
- Как знаешь.

До Кирилла я дозвонился только вечером. Он что-то такое снова обмывал. Но мою просьбу почувствовал совершенно по-трезвому и сказал, что почти её выполнил.

- Слышь, Кирилл, а кто преступников ловит, если ты бухаешь через день?
- Да никто их не ловит. Я с ними как раз пью. Посидим ещё чуть-чуть, и я их в обезьянник.
- Это, как я понимаю, шутка?
- Почти. У тебя всё?
- Да. Береги себя.
- Я себя бдю. Пока!

Интересный парень Кирилл. Не уверен, что он сказал правду, но несколько не удивлюсь, если он так и поступит со своими одностаканниками. Я имею в виду застолье от бутылки до обезьянника. Милиционер – это не профессия. Это характер. Цитата.

Валера отзвонился по приезду в наш город. Я вышел на трассу и дождался его «Нивы». Быстро уладили жилищный вопрос, пристроили машину на стоянку и отправились в ресторан перекусить. Заодно и поговорить. К нашему счастью музыканты где-то задерживались, и мы могли поговорить в тишине, не травмируя наши уши криком.

С первых минут нашей встречи, Валера начал утомлять меня показушной радостью и весельем. Может он так готовился к серьёзному разговору со мной? Не знаю, к чему он готовился, но напряжённое веселье у него получалось плохо.

- Послушай, друг Валера, хватит шутить. Тебе совсем не весело, а мне глядеть на тебя в ожидании серьёзного разговора, тоже не климатит. Давай сначала о плохом, а потом вместе посмеёмся. Если выживем.

– Я-то, как раз, выживу. Вопрос в тебе.

– О тебе.

– Не понял....

– Стилистически правильно надо строить фразу иначе. Вопрос о тебе.

– Умный, да?

– Нет, прикидываюсь. Валера, не томи. Что стряслось?

– Честно говоря, никто не знает, что и как стряслось. Лесник, послушал «местное» радио, и передаёт тебе приказ валить за бугор по-шустрому.

– Куда? И на сколько?

– Не знаю. Приказ у меня такой – не давать тебе спать. Подгонять тебя, чтобы ты брал путёвку в любом агентстве и валил. Загранпаспорт есть? Хорошо. Для начала поедешь в Чехию. Пересечёшь границу, и сразу же отзвонишься вот по этому номеру. Только представишься и всё. Тебя уже ждут. Скажут куда валить. На месте решите на сколько. Твои бабки, Лесник перевёл в ...блин! Не помню город... ладно. Вспомню – скажу. Тот, кто тебя встретит, отдаст тебе карточку, чтобы разорвать банкоматы. Это то, что я должен тебе передать. Я передал, а ты не налил.

– А что по «радио» передавали? Чего Лесник всполошился?

– Я не в курсе всех делов.

– Дел.

– Отвянь! За тарой следи! Вот. По крохам, которые рассыпал Лесник, я понял, что те два барана, которых в гостинице сдали непонятному твоему крутьку, снова на воле. То ли отмазались, то ли их отмазали – не суть, но они снова почудили в Харькове. Подняли ментов на ноги, чтобы те по шурику разобрались с тем ДТП... ну... ты понял, о чём я? Каким – то боком вышли на твоего лепилу, крутить собрались его по – взрослому. Не вышло, правда. У тебя наливать рука устала? Не спать, водкочерпий! Я за тем и послан. Вот. Лепила, не будь дураком, пронюхал про болячки жён всех шишек городских, включая и старшего мента. Евоной жене чего – то там удалил, так она теперь счастливая и мужика своего тиранит, чтобы этого лепилу никто и пальцем не тронул. Мент и расстарался. Ну, не без того, что полинял твой коллега, на пару раз в кабаке того мента отгулять на всё меню, на том, вроде, всё и затихло. По городу вроде больше ничего, но в Израиле завалили нашего подопечного. Местные сказывали, что там засветился тот стрелок, который Михыча... Зеров? Нет? Ну не важно, ты понял, о ком я, так вот, светанулся он в еврейском государстве как раз в тот момент, когда заставили зажмуриться нами спасённого, но взять его было не за что. За ним пасут, конечно, но он же не один танцует по миру... наверное. Кто – то его прикрывает, кто – то команды отдаёт.... Поэтому Лесник и хочет тебя с его носа снять. Пока ты за бугром побудешь, здесь разужнают, откуда ноги растут у этих неприятностей. Понял? – спросил Валера, сделав ударение на букве «я».

– Понял, – повторил я его слово с таким же ударением, – наливать?

– Нет, блин! Танцевать пойдём! Лей и чтобы я видел. Понимаешь, братик, я и сам всего не знаю, но мне кажется, что я услышал только процентов десять – пятнадцать от той волны, что поднялась. Короче, я тебе привёз эти брызги, чтобы вся волна тебя не накрыла. Но сдаётся мне, что эти неприятности не от тех двух Харьковских перцев – тут их руководство воздух портит. Выборы у вас президентские на носу, так? А кому интересно с тёплого места зад снимать? Им те дурацкие документы не по-детски покоя не дают. Что-то в них есть кусучее для всей президентской рати. Так, что, будешь ты в норе сидеть, пока Лесник отмашку не даст. Иначе... не маленький, сам дойдёшь до всего мозгом. Давай за здоровье!

Валера пил и ел с удовольствием и аппетитом достойным уважения. Время от времени, официантка с формами профессиональной баскетболистки, производила смену блюд в алфавитном порядке. Видимо и ей понравилось его пристрастие к чревоугодию.

Я жестом показал официантке, как оказалось её звали Юля, что мы готовы сдать пустую посуду, в обмен на полную. Желание наше исполнилось практически мгновенно. Я налил в рюмку водку и попросил Валеру оставить закуску и сосредоточиться на мне.

– Постарайся понять меня правильно, без глупых обид, хорошо?

– Глаголь!

–?!

– А ты думал! Давай – давай!

– Валера, по сути, вы все бандиты, правда?

– Херово звучит, но, где-то так....

– Как ни звучит – смысл один. Ваша система живёт по своим внутренним правилам и понятиям, так? Так. И ваши правила, в корне отличаются от государственных. Так?

– Не такой. Наливай и говори. Будешь бок пороть – я отзовусь.

– Отзовусь, но не важно.... Хорошо. Значит, ваша группа живёт в государстве, как самостоятельная автономия. Но самим государством, правят такие же бандиты, как и вы. У них просто масштаб другой. Всё точно также происходит у них, как и у вас, или у вас всё так же, как у них... от перемены мест слагаемых... всё то-же – стрелки, разборки, свои бригады... или как они у вас называются по штатному расписанию? Короче говоря, и вы, и они одно и то же казино. Тогда у меня возникает резонный вопрос – неужели у двух банд нет возможности перетереть спорную тему? Даю руку на отсечение, что у вас и у верхних бандитов есть общие интересы и точки соприкосновения. Не удивлюсь, если над Лесником не стоит госсмотрящий, и принимает от него регулярные платежи. Я прав?

– Я так высоко, ик! Извиняюсь, я так высоко не летаю, но мне кажется, что так оно и есть. Иначе бы всех бандитов... ха – ха, то есть нас, по всей стране сничтожили бы за неделю.

– И я о том же. Значит, вы с Лесником нужны верхним бандитам. А если так, то какой резон напрягать лишний раз курицу, несущую золотые яйца? Зачем мешать работе людей, от которых имеешь постоянную прибыль? Я про телестудию, туда же убийство Михыча, царствие ему небесное, про наезд на врача и ещё про массу всяких неприятных мелочей.

– Этот вопрос ко мне?

– Я понял. Всё я понял. Я размышляю вслух. Пока боков не напорол?

– Не. Дальше.

– А дальше я и сам не пойму. Охранник, из службы самого главного, устраивает статью 103 из УК и остаётся чистым. Его забирает на разборку самая главная бандота и отпускает, понимая, что он обычная шоха на побегушках. Значит, охрана президента пообщалась с самыми главными по – поводу своего мальчика.

– Ты как-то длинно елозишь по теме. Короче можно?

– Не выходит короче. Смотри на ситуацию с моей колокольни. Мог ли отпущенный... да наливаю. Не перебивай! Мог ли отпущенный мальчик из охранки, самостоятельно решать вопрос по Харькову и Израилю?

– Не уверен, – выдавил из себя Валера, проглатывая холодную водку.

– И я не уверен. А теперь скажи мне, друг мой пьяный....

– «Говорил он Епифану»... знаю, классная песня...

– Не отвлекайся. Скажи, кто стоит за телестудией? Кто прямо или косвенно виновен в том, что на эту проклятую студию припёрлись два хрена и принесли нечто такое, что кое-кто счёл это компроматом на себя?

– Кто – кто? Лесник.

– Вот ты и ответил на мой вопрос. А кто я такой в этой цепочке? Фактически нанятый на работу, то есть пришлый и в вашей системе не состоящий. Тогда... что тогда получается?

– Что получается? Я уже пить не буду... наверное....

– Получается, что окучивают не меня, а Лесника. Он стал поперёк горла верхнему пацану перед выборами. Вокруг Лесника танцы впрыска происходят, и под него же копают. Может, ... не знаю, ... например, чтобы свалить его. Деньги, готовая структура, опять же компромат – всё это у Лесника на сегодня в избытке. А то, что Аркадий Михайлович не хохол, так это даже упрощает ситуацию. Кто в России будет подозревать главных хохляцких бандитов?

– Ёлы – палы! Так это охота на... а не на... или... погоди, но он мне сказал, чтобы я тебя выпер из страны за бугор... ты здесь при каких делах?

– Не знаю. Может ему просто жалко меня. Нравлюсь я ему.

– Ага. Зеня базарил, что тоже не понимает, чего Лесник над тобой орлом кружит.... Ты не стукач, не ссученый, на бой ходил с Зеней,... а в делах не участвуешь. Налей, а?

– Пей, дел сегодня нет. Моё мнение такое – не мне прятаться надо, а Лесника спасать. На него косой уже замахнулись. И ещё одно. Валера, не хочешь – не отвечай. Но про труп в Израиле ты того... приврал маленько?

– Велено было для острастки тебе так сказать... потом, когда... ну, попозже... ска-зали бы, что ошиблись. Я... это... проболтался?

– О чём?

– Ну... про евреев....

– Каких?

– Понял. Ты меня не сдашь.

– Не сдам. Только ты позвони Леснику завтра и расскажи обо всём, о чём ты сам доду-мался.

– Я додумался?

– А кто? Официантка? Кстати, надо уже и счёт попросить.

– Лады, звякну. Я – спать?

– Да, сейчас такси вызову.

На следующий день около полудня зазвонил телефон. Номер не определился.

– Слушаю.

– Мне так не кажется. Здравствуй.

– Добрый день, Аркадий Михайлович.

– Ты выбираешь себе плохих собеседников. Валера парень очень хороший и надёжный, но как стратег – никакой. Он мне сегодня наговорил всякого столько, что... что-то про банди-тов плёл, обидное название, говорит. Сколько выпили вчера? Только честно.

– Три.

– Значит больше половины на его совести. А что касается твоего предположения... я ведь не из Непала, как ты говорил. Но мне спокойнее будет, когда ты в безопасности посидишь. Валера передал тебе мой приказ. Это понятно?

– Да. Только это... про бандитов... это я в разговоре сказал....

– Я понял. По правде говоря – это правда.

– Только под вопросом кто большой бандит – те, кто наверху сидят и всё позволяют или те, кто суетится на местах и их обслуживает. Нами управляет....

– Это разговор ни о чём. Не трать время. Тебе, правда, ехать надо. Всё. Счастливой дороги. Отзвонишься!

Сборы, сумки, билеты, визы, консульский сбор, звонки друзьям, посиделки перед дорогой. Весь набор отработанного человечеством ритуала перед отъездом был соблюден до мелочей.

Ехать решили попроще – поездом до Киева, а оттуда автобусом до Праги. В дороге надо было провести немногим более суток, но это компенсировалось возможностью понаблюдать из окна вторую половину страны – от центра до западной границы, именно ту часть, которую не часто удавалось посещать.

Любование страной продолжалось только до Ровно, где по рассказам очевидцев погиб разведчик Кузнецов. Там же начало активно темнеть за окном. Так что последнее, что удалось рассмотреть при свете уходящего дня, были бигборды с изображением какого – то самодовольного самозванца, лидирующего в жёлтой майке среди таких же самозванцев – нацистов. Даже обидно стало, почему история ходит по таким узким временным кругам? От 1932 года, от пивного путча, родившего национальную фашистскую беду, до 2008 история успела сделать только один оборот и выродить такого паренька который, лишь бы влезть в благословенное число приближённых к кормушке, будет не только национальный украинско – фашистский лозунг тащить на горбах своих не очень умных выкормышей, а даже легко возглавит партию или движение хоть за вторую дыру в попе, как за главный идентификационный наципризнак. Остаётся только жалеть до слёз, что история, за свой бег по кругу за две тысячи лет, не удосужилась вернуть хоть разик Христа.... Зато в каждом поколении, мы имеем по несколько штук таких вот... с бигборда. Элитных.... Ладно, надо перестать думать об этом болоте, находящемся в состоянии постоянной психоделической и кризисной прострации, вызванном отравлением совести и разумом.

Таможня, граница и вся Польша проехали мимо нас в темноте, так что рассмотреть невиданные ранее места можно было только в проёме меж двух световых пучков, образованных фарами автобуса. Потом как-то заснули.

Уже сформировавшееся утро встретило нас в Чешском городе с интересным названием Градец Краловы. В русском переводе это должно звучать, как Королевский Городок. Или как-то ещё, но близко по смыслу.

Громадный двухзальный автовокзал встретил нас непривычной чистотой, спокойствием, целыми скамейками и приветливыми диспетчерами. Люди не суетились, хотя в этот утренний час их было достаточно много. Громко никто не разговаривал, каждый, казалось, знал в подробностях то, что ему надо было знать, находясь на автовокзале. Касс билетных не было вовсе – за проезд рассчитывались с водителем. Пахло очень хорошим кофе

Как-то так получилось, что первый обещанный звонок я, попросту, проспал, поэтому отзвонился из автовокзала, выйдя покурить к специально отведённой для курения урне.

Когда подняли трубку после девяти гудков, посланных мною в тишину Чешского телефонного пространства, кто-то не очень ласково мне сказал:

– Теперь жди.

На третьей сигарете к нам подошёл мужчина. Он пристально рассматривал нас примерно минуту. Потом, видимо, вспомнив, для чего он пришёл, вопросительно назвал нас по именам. Мы кивнули. Подошедшего это не расстроило и не обрадовало. Он прокашлял что-то вроде «Пошли» и направился в сторону автостоянки. Мы с вещами наперевес пошли следом за ним, выстроившись цугом.

Не знаю, есть ли хоть какая-то необходимость в таких подробных воспоминаниях? Просто, в первые минуты пребывания, в первой заграничной поездке, не просто забываются. По крайней мере, у меня.

Погрузив нас в удобный и тёплый микроавтобус, наш встречающий сказал:

– Лёха.

– Кто? – как-то сам по себе вырвался глупый вопрос.

Тот, кто сказал: «Лёха», оглянулся и уставился на меня рыбьими глазами.

– Она!

– Да, я понял. Это шутка.

– Не-а, – сказал Лёха и заржал.

Отсмеявшись положенную минуту, Лёха снова повернулся к нам, и сострил, пародируя кого-то, известного только одному ему.

– Как вас зовут – я знаю. А я – она! Блин! Я, – снова рыбьеглазый смех, – Лёха. Поехали?

– Ну, если только мы не будем ночевать в автобусе.

– Что?

– Поехали.

Ехали мы не очень долго. Точно определить время поездки не было возможности – мы просто прилипли к стёклам и вглядывались во всё, что проплывало мимо нас.

Ловко маневрируя по автодорогам, оказавшимися намного уже, чем на Украине, Лёха подрулил к двухэтажному дому. Аккуратный и немного бутафорский домик, чистый и ухоженный дворик не позволяли надеяться, что это жилой дом. «Так люди не живут», – подумалось мне. Во всём, что я видел, была какая – то искусственность, что ли. От ворот до гаража дорожка была выложена целыми плитками. Именно целыми – не сбитыми и без сколов. Трава, не смотря

на середину ноября, была ещё зелёной и пробивалась к солнцу в пространствах между плитками на одинаковую высоту. Шесть хвойных деревьев разных пород стояли в красивом порядке по всему дворику. Небольшой, неправильной формы цветник был усыпан галькой и большими камнями, что делало его похожим на японский сад камней в миниатюре. Немного в глубине двора стояла деревянная беседка с высокой каменной печью, украшенной изразцовой плиткой. Сараев, лопат, банок на заборе и куриного помёта не было. Дом и дворик напоминали мне реквизит, для какого-то полу сказочного фильма, а не жилой дом. Но кино здесь не снимали. Здесь проживал мужчина в очках, которого я встречал у Лесника и которого мне так и не представили. Тот, который после минутного размышления снял с меня все подозрения о моей причастности к взрыву в пансионате.

– Здравствуйте! С приездом! Сначала кофе и пять минут разговора, затем пойдёте отдыхать.

– Извините, но нас не представили и я не совсем....

– Зовите меня Петрович. Устраивает?

– Да. Как доехали?

– В общем хорошо. Правда, сутки в автобусе.... Но терпимо.

– Впечатления о новой стране не спрашиваю – вы слишком мало видели. Но скоро сможете немного попутешествовать по Чехии. Тогда и сложится у вас впечатление, о котором и спрошу. А путешествие начнём прямо завтра. А что? Зачем тянуть? У меня и гид для вас есть. Леонид!

Петрович произнёс имя немного громче, чем разговаривал с нами. Даю честное слово, что когда зазвучала в воздухе буква «о» из произнесённого имени, дверь отворилась, и появился наш встречающий.

– А где Владимир?

– В душе. Он же чистюля, – скривился Лёха.

– Он нормальный человек, Леонид, он просто нормальный. Пришлешь его ко мне.

Леонид вышел, и комнату наполнила неуютная тишина.

– Вот уж правду говорят: « В семье не без Леонида». Ладно, перевоспитаем.... Расхотелось мне что – то разговаривать. Ступайте наверх, приведите себя в порядок. Через час прощу к столу.

Дешёвой театральностью пахивало от встречи с Петровичем. Что-то, очень ненастоящее и фальшивое, распространяет вокруг себя этот человек. По-хорошему и придраться к нему нельзя – власть, которая у него в руках, позволяет ему быть вежливым и терпеливым с подчинёнными. Но ведь этими качествами обладает и дверца в мышеловке. Хреновато как-то внутри стало от такого сравнения.

Поднявшись на второй, мы нашли приготовленную для нас гостиную, спальню и ванную комнату. Все три помещения были изолированными и скрывались за одинаковыми дверями тёмного дерева.

– Тебе не напоминает это всё какой-то пансионат? – спросила жена, делая попытку раздвинуть шторы. – Планировка странная. Как будто этот этаж специально делался, как гостевой. А может тут у них так принято... какое-то всё не настоящее.

– Ты буквально озвучила мои мысли. Мне тоже, мягко говоря, не всё понятно. Очень на заводскую самодеятельность смахивает. Что здесь не так?

– Не знаю. Что – то случилось у них. И случилось буквально... совсем недавно. Такое впечатление, что Петрович ещё не оправился от чего-то такого... от какого-то события. Тут ещё мы на голову.

– Попробую что –нибудь узнать.

Я позвонил Валере. Он очень долго не брал трубку, а когда ответил, то дружелюбием в его голосе не пахло.

– Чего?

– Рад, что ты ответил, – как можно ласковее проговорил я. Вторую фразу я произнёс его интонацией. – Какого хера орёшь?!

– Ты по делу?

– Нет, блин, кроссворд разгадываю! Конечно по делу. Что произошло? Только не ври! Запашок от вас дотянуло, аж до Чехии. Говори.

– Петровича видел?

– И видел и слышал. Не юли.

– Охоту на нас открыли... гадство! Тут, блин, мотаются все туда – сюда... я в больнице. Короче, такая нездоровая байда... Дом Лесника помнишь? Ну, так нету его больше. Спецы работали. Дом разлетелся по округе на километр. Воронка, блин, дна не видно... Закрыла дверь, бл...! Иди на хрен со своим шприцом! Что я говорил? А, да, воронка... Зеню теперь тоже не видно... его, вместе с домом, по всей округе... Лесник в гараже был... у него сейчас левой руки нету... совсем, нету... ещё четверо пацанов где-то пылью выпадут, после взрыва... Такой вот праздничный салют из Зени и пацанов... сука!!!

– Что теперь делать?

– Я тебе что, Нострадамус? Я не могу предсказывать. Леснику семьдесят четыре летом было, а когда операцию делали под общим, врач, мудило, говорит, что состояние его стабильно тяжёлое. Понял? Откуда мне знать, что делать? Если Лесник не выберется из комы – нас по одному переловят... Я, братик, ни хрена не знаю... Ты, это... сам не попади ни во что... хоть ты не попади...

– Попробую. Валера, а когда это... ну... понимаешь?

– Позавчера. В половине пятого вечера, а что?

– Нет, ничего. Я могу чем-нибудь помочь?

– Ты за полторы тыщи километров отсюда, блин! «Я могу чем-то помочь?» – передразнил меня Валера. – Выступи по радио и скажи, чтобы нас не трогали.

– Ну, всё-всё! Будем теперь жить по обстоятельствам. Береги себя!

– Лады, давай! Ты... это... звони хоть иногда....

– Добро, пока!

Ну, как вам новость? Как в кино говорят – «убойная». Вот, значит, чего Петрович такой неестественный. Все дела Лесника на него свалились, все заботы и вся ответственность. А её, ответственности, столько, что табун лошадей подавится. Там же, у Лесника, деньги, недвижимость, люди, связи, обещания, сделки, крышевания, мировые разборы, стрелки – белки – ёлки – палки. А тут мы с женой, которых надо срочно выводить из – под удара. Вывел, блин, а сам под него и угодил... Интересно, а мне вот прямо сейчас, страшно от этой новости? Ведь в перечне лицензионной дичи на отстрел я тоже имеюсь.... А мне сейчас не страшно, почему? Не знаю. Мне только противно от понимания происходящего и очень – очень жалко Лесника. Господи! Пусть он спокойно умрёт или не сильно страдает, если придёт в себя. Не оставляй его, Господи, в виде однорукого растения! Не такой он и бандит, если честно. Я совсем не уверен в том, что он мечтал с детства стать вором в законе, очень не уверен. И ещё не уверен в одной сентенции искусственно клонированной сегодняшней морали о том, что человек не подвластен ситуации и сложившимся обстоятельствам. Подвластен. Человек – обычный заложник той системы, на тиранию которой пришлось его пребывание на Земле. Это убеждение, утверждение и аксиома. Три в одном, три составляющие и три источника, которые иногда помогают понять истинное человеческое существо, а не ту, актёрскую самодеятельность, демонстрируемую на людях. Ситуация и обстоятельства – вот настоящие родители и воспитатели человека. Одновременно и похоронная команда. Не весело, но, правда. Яркий пример этому Лесник. В самый разгар подготовки к первому классу началась война. Его отца, из их любимой и провинциальной Коломны, через неделю после Левитановского радиовыступления забрали «добровольцем» мужики в НКВДшной форме. Куда забрали, никто так и не узнал, да и кто что мог узнать, в первые дни войны? Одним словом, погиб его отец без вести, в первые месяцы отступления... кто тогда думал о солдатах? Мать с маленьким Аркашей спешно едут к родне за Уральские самоцветные горы. Там, в небольшом ПГТ Уставка они и осели у дяди мужа – местного сапожника и городского пьяницы. Мать Аркаши – дама видная и непозволительной красоты казачка, устроилась посудомойкой в бывший ресторан, а теперь столовую для командного состава воинской части, занимавшейся быстрым формированием личного состава будущей непобедимой армии. Готовили здесь лётчиков. Два взлёта и две посадки – вот и весь минимум, за который получали лейтенантские нашлёпки на петлицы и фасонистую походку прославленных воздушных асов. Тут же осваивались танки, пушки и прочая смертоносная атрибутика войны. Иногда за обедом, но чаще на вечерних посиделках, офицеры усугубляли наркомовские сто граммов за один глоток и во всю Ивановскую пьянеющими рожами грозили Гитлеру. Правда, никто не грозился рассчитаться за варварскую войну лично. Храбрости хва-

тало только на абстрактные обещания утопить в Рейне всех, кто посмел на нас... то есть, на них напасть.

Так и потянулись месяцы вроде бы спокойной и размеренной жизни. Мать Аркаши втянулась в работу, Аркаша втянулся в учёбу. Вдвоём они втянулись в постоянное ожидание известий от отца и мужа.

Месяцы, плавно перетекая из одного в другой, стали перетекать в годы. Вот уже в апреле Аркаше будет одиннадцать, а офицеры в столовой открыто обсуждают дату окончания войны. Значит, впереди снова замаячила мирная жизнь, и возможность вернуться в свою родную провинцию.

Победа, как и старость, совершенно неизбежны и приходят они, чаще всего, неожиданно. Майский день 45 года тоже не стал исключением. Радость, пальба в воздух, вино и расстёгнутые гимнастёрки у рядового состава – всё смешалось в один карнавальный коктейль в ПГТ Уставка. Но, как иногда постоянно происходит, смешалась общая радость, выпав в осадок личной трагедией. В той воинской части был один самодовольный майор – замполит. Он стучал на всех и на вся из-за боязни отправки на фронт, теперь же, в эти майские дни, ставший всем другом и чуть ли не главным победителем в войне. На радостях он решает покарнавалить, по поводу победы, с особым шиком.

Глава 2

Под явным и неопровержимым предлогом, майор пришёл домой к сапожнику.

Неторопливо спаивая хозяина дармовым вином, он, на самом деле, поджидал его постоялицу и, одновременно, дальнюю родственницу. Малолетнего Аркадия он не рассчитывал увидеть, так как в день Победы пацанве было не до дома и вообще не до чего. На улице было столько всего интересного и уже незапрещённого! Ему в тот день дали даже стрельнуть из настоящего пистолета!

Изрядно проголодавшись, Аркаша забежал домой, чтобы взять что – нибудь перекусить и снова убежать с приятелями на праздничные и шумные улицы. Но взять он смог только тот трагический осадок, который ему приготовила победная весна. Вбежав в квартиру, Аркадий просто не поверил тому, что увидел. По квартире словно пролетел беспощадный смерч в поисках долгожданной добычи, которую он, кстати, и нашёл.

Толстожопый замполит, в своём неумном желании затейливо отгулять заслуженную лично им Победу, попросту выпустил на волю дремавшее у него внутри животное, бессмысленное в своей жестокости и одновременно смердящее страхом. Майор попросту избил красивую и несговорчивую казачку, привязав её портупеей к металлической спинке кровати. Что именно майор с ней делал Аркадий так и не понял – он был пока ещё развит в ногу со своим временем. Не смог он тогда понять, почему у мамы между ног торчит доньшко бутылки. И почему так много крови у мамы на лице?

Пьяный родственник храпел под сломанным столом среди вилок, окурков и замполитовской одежды. Сапожник и не ведал даже, что произошло в его квартире. Он попросту добросовестно отключился.

В эти, уже не секунды, а минуты разглядывания крушения детских понятий о людях и о жизни, Аркадий стал каким-то взрослым. Он не сразу понял тогда, чего именно у него не стало в этот радостный день, но чего-то очень важного не стало. У него что-то отобрали... и отобрал этот замполит, касающийся своим омерзительным, дряблым телом, почему-то безразличную маму. Сами собой вспомнились разговоры мальчишек во дворе о том, кто, как и с кем из девчонок «зажимался», о первых неумелых поцелуях и ещё о том, что девчонки боялись того, что у мальчишек «встаёт».

– А у тебя уже встаёт? – немного высокомерно спрашивали у Аркаши дворовые мальчишки, которые были всего-то на год старше.

Неожиданное понимание происходящего поразило Аркадия своей простотой и ясностью. «Позажиматься» и «встаёт».... Встало... у дяди замполита встало.... Всё понял мальчик на этом уроке взрослой жизни.

Аркадий поднял с пола треугольный сапожный нож, которым в тот день пользовались, в качестве столового прибора, и уже ни о чём не думая, а так, словно в запланированной игре, спокойно подошёл к голому телу майора, и так же спокойно вогнал нож по самую заизолированную ручку в основание того, что встало у «дяди замполита». Так же спокойно он развер-

нулся и вышел из квартиры. Он не раздумывал, куда ему идти. Он пошёл к дворничихе Зарине, чтобы вызвать неотложку для своей мамы. Сердобольная Зарина вызвала ещё и милицию....

Разбирательство длилось около недели. Пьяного родственника в тот же день быстро привели в чувство и подробно расспросили о произошедшем. А что мог рассказать патологический алкоголик? Он, путаясь в собственных губах, и не до конца проговаривая весь алфавит, бормотал о приходе замполита с тремя бутылками вина и о том, как они сели праздновать. Но вот только... точно! Вспомнил! Третью они так и не открыли. В смысле бутылку. А товарищи милиция не находила её? В смысле бутылку? Разозлившийся милиционер треснул выпивоху папкой по голове и сел что – то писать.

Замполит, когда вышел из болевого шока и пьяного угара, начал выть на всю палату от боли и обиды – «вставалка» у него была теперь только для мебели. И мочиться он теперь сможет, со слов врача, через научно названную штуковину – «фистулу». Под вечер в палату к нему нагрнуло какое – то замполитовское начальство и долго там орало. Иногда даже дуэтом. После выписки майора сделали капитаном и отправили куда-то в Среднюю Азию руководить военкоматом.

На все вопросы милиционера Аркадий отвечал по-ленински честно, чем вызвал острый приступ мигрени у опера. Что же такое получается? Если верить парнишке, то майора надо срочно тащить обратно, и показательно садить за такой карнавал. Но, с другой стороны, майор вроде и пострадавшее лицо, то есть рожа. Кто же его сапожным ножом? Если баба, то она в коме до сих пор и с ней не поговоришь. А если пацан не врёт, он по правде самолично сделал майору полное обрезание в буквальном смысле, то снова оперу ни горячо, ни холодно. По какой статье одиннадцатилетнего пацана припарковать в колонию? А вдруг этот Аркадий мамашу просто выгораживает, и всё берёт на себя? Что делать опер не знал и не мог даже представить, с какой стороны подойти к этому делу. Настроение милиционеру портило ещё и начальство, обещавшее, в случае долгого расследования этого дела, оторвать оперу то, что теперь майору стало без надобности.

Решение пришло неожиданно. В виде жены майора, дамы видной и паскудной. В замужестве она была практически в раю – льготы, знакомства, авторитет и допшаёк. Покувыркаться с чужими мужиками в постели, она была очень даже не против, чем была похожа на мужа. А что теперь? Всё нажитое и налаженное коту под хвост? Ехать к чурбанам в пустыню и искать там тень? Короче, жена майора пришла и принесла в подоле решение, которое сначала не устроило майора. А когда за закрытыми дверями они простонали минуты три, сомнений у опера в правильности «принятого им решения» уже не было. Бабу, эту «сучку – посудомойку», пока что подержать в больнице, и при первом удобном случае правильно с ней поговорить. Мальчишку – отправить в посёлок для беспризорных сирот, другими словами, на упрощённую зону для малолетних. Тем более, что командовал тем посёлком брат мужа. Он и приглядит за мальцом по полной воспитательной программе. Она же мчится на приём к самому главному начальству мужа, чтобы вымолить снисхождение. Такой вот образовался расклад. По большому счёту это и опера устраивало – виновник, то бишь, пацан, наказан, но по малолетству не строго. Мамаша, если даст Бог, оклыгает и сама расскажет, как дело было. Только вот на тот момент дело уже можно и в архив спрятать. При таком раскладе, опер более не рисковал потерять свою «вставалку».

Так или примерно так всё и произошло. Суд состоялся скорый, но справедливый: свидетель, она же потерпевшая, не допрошена по причине болезни. По той же причине толком

не допрошен и майор, хотя до конца его статус определён не был – то ли потерпевший, то ли какой – то полуобвиняемый. А вот в отношении Аркадия у судьи возникли очень большие сомнения, несмотря на полное и абсолютно спокойное признание. После совещания судьи в его комнате сначала с женой майора, а потом и с присяжными, в течение долгих семи минут, постановили: Аркадия направить в Омский посёлок для сирот – правонарушителей (так выразился гособвинитель). Судья же обозвал это учреждение исправительной системы специальным шифром из цифр и букв. Срок нахождения в Омске Аркадию назначили тоже хитро – до полного выздоровления его матери или до обнаружения каких –нибудь дееспособных родственников, могущими стать опекунами, усыновителями и т. д. и т. п. Только никто не обратил внимания на две вещи – почему никоим образом не рассматривалось уголовное дело в отношении факта изнасилования с особым цинизмом матери Аркадия, и почему на срок выздоровления вышеупомянутой потерпевшей, мальчишку надо было отправлять на другой конец страны – в край ссылок, тюрем и декабристских могил?

Подробностей тех дней, да и последующих лет тоже, никто толком не знает. Кое-что рассказывал сам Лесник, кое-что рассказывал Петрович, который, за хорошую взятку, купил право несколько часов полистать уголовное дело Лесника. Некоторые основные факты всё же всплыли, и по ним можно получить представление о тех годах, о людских характерах и о людских судьбах.

Мать Аркадия быстренько заштопали и кое-как подправили внешность. Но, так же быстро, обратили внимание на то, что она стала заговариваться и проявлять признаки умственного расстройства. Из-за этого её снарядили в скорбный дом, где она скончалась через семь месяцев от воспаления лёгких. Сомнения, относительно этого диагноза, у Лесника оставались всю его жизнь.

Маленький Аркадий отправился этапом в Омск. Пересылочные тюрьмы заполняли голову мальчика рассказами, а иногда и обычными бравурными враками, его однолеток, ставших уже рецидивистами. Вся эта полуромантическая болтовня о лагерях и понятиях, о воровской чести и воровской иерархии не производили должного впечатления на Аркадия. Он просто слушал. Но, странное дело, эти, уже «бывалые» малолетки, ни разу не посмели тронуть мальчишку, или даже просто поиздеваться над ним. Их, почему-то, останавливало его спокойствие и непоказное безразличие ко всему происходящему, и ко всему окружающему. Если человек настолько спокоен и отстранён от всего вокруг, то он, либо, сам «бывалый», либо способен на всё, что угодно. Таких лучше не трогать.

Но внешнее спокойствие было только внешним. Аркадий жадно вслушивался во все «взрослые» разговоры мальчишек. Он старался понять новые слова на тюремном жаргоне, старался запомнить услышанные истории о многочисленных неудачных побегах и легенды о нескольких удачных. Он старался запомнить правила содержания в колониях.... Одним словом, всё то, что готовила ему жизнь на ближайшие несколько лет.

Аркадия этапировали полтора месяца в маленький посёлок, в двухстах километрах от Омска. Собственно говоря, и сам посёлок был достаточно условным понятием. Стоявшая в лесной глуши колония либерального режима содержания, имела в своём распоряжении несколько барачков – общежитий для сирот и несколько домов для, собственно, администрации и охраны. Был и маленький магазинчик.

Жила эта колония за счёт такого же небольшого предприятия, по изготовлению ученических ручек и грифельных карандашей, на которые ставилось клеймо «Фабрика им. Сакко и Ванцетти». На этой фабрике работали только мальчишки, составлявшие охраняемый контингент. Охранников было пять человек, над которыми стояли начальник лагеря и замполит.

Работы для охраны было немного – вряд ли кто из мальчишек, запуганных страшными рассказами об ужасах в лесу, отважился бы на побег. Поэтому жизнь была здесь сытой и спокойной.

А вот, что касается начальника этого посёлка, то это отдельная история. Уже упоминалось, что потерпевший, он же безчленный член КПСС, приходился этому начальнику родным братом. Поэтому известие о скором прибытии в лагерь виновника братишкиного позора, начальник посёлка принял, как подарок судьбы в его справедливые руки. Братья Гвоздиковы, а такую фамилию они носили, не слишком отличались друг от друга своими скверными пристрастиями. Если младший братец обожал секс на грани изуверства, то старший обожал сексуальных партнёров намного моложе себя. По-возможности, не старше двенадцати лет. Но жизнь в однополой колонии слегка видоизменила его пристрастия с маленьких девочек на мальчишеские попки, что было тоже приятным занятием. Вместе с замполитом они регулярно устраивали «медосмотры» вновь прибывшим, пуская на «круг» одного или двух мальчиков. Утолив первый порыв «попчной» страсти, мужчины выпивали и закусывали, не забывая предложить выпить и мальчикам. Затем всё повторялось по новой, до полной одури. Под утро мальчишек отпускали в общежитие, где они узнавали, что их только что приобщили к прописанным в колонии. Теперь и охранники могли воспользоваться мальчишками не по назначению в любое время дня и ночи, и лучше не отказывать, иначе поколотят прикладами до полусмерти. Из-за необдуманного отказа двух мальчиков в прошлом месяце похоронили. Так что «не сыте, пацки, давайте выживать вместе».

Относительно Аркадия, у старшего Гвоздикова была своя задумка. Делить мальчишку он ни с кем не хотел, рассчитывая «задолбать» пацана так, что у него мозги через сопатку полезут.

Вновь прибывших записывал такой же «прописанный» в колонии мальчишка с еврейским именем Аарон. Он, как громко именовали его должность, «служил писарем при штабе». Иногда «утешая» начальника или замполита, он старательно запоминал всё, что говорилось в кабинете без оглядки на «чужие» уши. Слушал он и про Аркадия, и про ожидавшую его участь. Почувствовав в имени «Аркадий» что-то своё, родное, Аарон, записывая данные вновь прибывших с обложек личных дел, с сожалением посмотрел на Аркадия и тихонько сказал:

– Этот шлемазл начальник не слезет с твоего тохеса, пока ты не умрёшь. Бежать тебе надо, но куда отсюда? Я уже плачу по тебе, гой. Начальник уже яин купил для тебя.... Если выживешь – приходи ко мне.... Хотя... как у него выжить? Он здесь – адони.... Следующий!

Не много Аркадий понял со слов писаря, но предостережение в словах о том, что ему надо бежать, плотно засело в голове. Аркадий оглянулся и посмотрел вокруг себя – бараки, домики и вокруг лес. Куда бежать? Закончить горестную мысль мальчику не удалось, всех вновь прибывших охрана начала устанавливать в какое-то подобие шеренги, для отправки на дезинфекцию и дальше в карантинный барак. По очереди в голове начали всплывать пересылочные рассказы «бывалых» подростков о побегах, походившие больше на дерзкие приключения графа Монте-Кристо. Но во всех этих баснях было одно общее звено, на которое Аркаша обратил

внимание. Это была наглость. Не совсем простое поведение при побеге – вот что отличало героев мальчишеских рассказов.

Когда уже начало смеркаться, Аркадия вызвал из карантинного барака усатый охранник и повёл к домику начальника лагеря.

Подробности отсутствуют снова, за исключением описания внешности охранника и описания событий того дня и вечера.

Когда уже пьяный и голый, Гвоздиков начал срывать одежду с мальчишки, Аркадий схватил карандаш из стакана, стоящего на столе, и изо всех своих детских сил вогнал его прямо глаз начальнику. Очень удивил мальчика звук, с которым карандаш вошёл в голову- с таким звуком разрезали капусту.

Гвоздиков попытался схватиться за короткий хвостик карандаша руками, как-то противно зарычал и упал на колени, упёршись лбом в ножку собственного стола. Немного ещё постояв в этой позе, задница начальника осела на пятки. Это уже было положение мёртвого тела.

Аркадий, не понимая зачем, обыскал одежду начальника и, вынув деньги из кошелька, вышел из кабинета. Тут же напоролся на охранника.

– Куда? – спросил тот.

– За вином, – сказал Аркадий и показал зажатые в кулаке деньги.

– А-а, давай-давай, – понимающе ухмыльнулся охранник и полез в карман за кисетом.

Мальчик спокойно вышел из круга света, разлитого фонарём на доме начальника и со всех ног побежал в сторону леса, о котором ещё не успел наслушаться страшных рассказов. Он бежал по дровяным щепкам, заменявшим тротуар, по никогда не высыхающей зловонной жиже около магазина, по разбитым ящикам, бесхозно валяющимся на каждом шагу. Куда он бежал? Не ясно было. Он бежал отсюда.

На дворе был август, но по омским меркам это уже осень. Но что замечал бегущий, как испуганный олень, Аркадий? Он боялся только одного – чтобы ветка не попала в глаз.

Сколько он бегал и сколько выживал в лесу – никто не знает. Одни говорили пять дней, Валера, пересказывая в который раз пересказанное другими, увеличил срок до двух недель. Но только однажды Аркадий проснулся не под деревом, а на кровати под одеялом в тёплой избе. Его, истощённого, голодного и полузамёрзшего, нашёл бортник и принёс в деревушку, затерянную в бескрайней Сибири.

Жители деревушки промышляли бортничеством, собирали грибы и ягоды. Одним словом жили в ладу с природой и были староверами, нашедшими себе безлюдное место вдали от греховного и суетного мира. Подлечив мальчишку, они оставили его у себя. Учили жить в лесу, понимать его, не вредить ему и не бояться. Принимать его в свою веру не торопились, просто ожидали, когда он сам созреет для Божьего служения.

Так продолжалось до глубокой осени 1953 года, когда после амнистии отряды НКВД и спецотряды оперативной милиции начали отлавливать выпущенных на свободу уголовни-

ков, собиравшихся в лихие артели и промышленявших разбойным делом по лесным посёлкам и заимкам.

Такой отряд и забрёл в деревушку староверов, в которой жил девятнадцатилетний Аркадий. Непрошенных и наглых гостей из чужого мира вышел встречать староста деревушки. Солдаты были измучены многочасовым походом по лесам, поэтому ограничились только просмотром живущих в деревне, и поимённой переписи всего взрослого населения. Староста повелел подчиниться людям в форме, в обмен на обещание офицера поскорее убраться из деревушки.

К сидящему на пне солдату и до конца не понимавшему, на кой ляд ему надо переписывать имена староверов, по одному подходили местные и представлялись:

– Раб Божий Лазарь.

– Раба Божья Анастасия.

И только один высокий и крепкий парень подошёл и представился по «человечески»:

– Аркадий Михайлович Ильин.

Офицера это удивило и насторожило, поэтому он решил на всякий случай забрать парня с собой в Омское управление, где с ним решит, как поступить, местное начальство. Успокоившись этой мыслью, офицер приказал выдвигаться в сторону штаба. В Омской тюрьме Аркадий провёл почти четыре месяца, пока до него дошла очередь в следственном отделе. Дотошный дознаватель раскопал-таки прошлое Аркадия. Началось какое-то следствие на пару месяцев и, как результат, приговор – за убийство Гвоздикова и побег из поселения, с учетом возраста обвиняемого на момент совершения преступления, 14 лет колонии строгого режима и красная наискось полоса по обложке личного дела – склонен к побегу.

И поехал З. к. Ильин валить лес уже по линии ГУЛАГа. На зоне началась новая жизнь Аркадия, о которой, он знал только по рассказам в пересылочных тюрьмах. Если она и отличалась от ада, о котором талдычили староверы, то только тем, что в этом аду по ночам иногда давали спать.

Жил, в общем – то, Аркадий замкнуто, в разговоры ни с кем не вступал, на вопросы отвечал замкнуто. Но всегда готов был помочь любому, от зека до конвойного, кто на валке умудрялся получить травму. Ушибы, переломы, голодные обмороки, переохлаждения он вылечивал какими – то травами и корешками, которые находил по, только ему одному понятным приметам. Выбора между пострадавшими он не делал – это мог быть ударенный топором «опущенный» или случайно подвернувший ногу вор любой масти. Правда, за «обслуживание» конвойных, Аркадию несколько раз устраивались «тёмные». Охрана же, в благодарность за его помощь, позволяла Аркадию в короткие минуты отдыха, просто ходить в лес в одиночку. Не без того, чтобы взять с него честное слово, которому начали доверять конвоиры и которое ни разу за восемь лет не нарушил сам Аркадий. В общем, он был нужным человеком, когда он был нужен. В остальное время его не замечали. Парня это устраивало. Ровно до тех пор, пока с новым этапом не пришёл на зону настоящий хозяин. Его все звали Саша, по кличке Москва.

Его встречали так, как встречают президента богатой страны в голодном краю. Не было только транспарантов и воздушных шаров.

Где-то дня через три, после приезда Москвы, к Аркадию подскочил шнырь, и нагло – просительно просвистел, скривив рот в одну сторону.

– Слышь, кент, после отбоя тебя Москва ждёт.

– Столица?

– Ты шо буровишь, падаль? Закрой хлеборезку или я тебе её порву, понял? На цырлах приканаешь ко мне, я тебя подведу к Саше. Усёк? Говноед, бл...!

Аркадий повернулся, чтобы уйти. Но шнырь не до конца вкусил сладость власти и, подскочив к Аркадию, рывком развернул его к себе лицом, а вторую занёс для удара. Но вот на что-то такое непонятное наткнулся шнырь в глазах Аркадия, что заставило его засомневаться в необходимости применения физических мер воздействия в воспитательных целях.

– Не придёшь – урою... – без действительной угрозы в голосе прошамкал шнырь и ушёл.

После отбоя Аркадий зашёл в тёплый барак, в котором отдыхал пахан. Его, толкая в спину, привели в дальний угол с ковром на стене и деревянной кроватью. На этом резном творении столярного искусства сидел сухонький старик в телогрейке на голое тело и пил чай.

– Привели?

– Ага. Вот он, падла, сам на кукен пришёл, – залился заискивающим смехом шнырь.

– На колени упал, быстро! – это сказал появившийся откуда-то сбоку мускулистый амбал. Сказал и сверкнул рядами рандолевых зубов на обеих челюстях.

– Не мельтеши, Петя, я говорить буду, – спокойным и прокуренным голосом сказал Москва. – Дайте ему присесть.

Если бы Аркадий заорал во всю глотку, он бы добился гораздо меньшего эффекта, чем тот, который произвёл тихий голос Саша.

Позади Аркадия стукнул ножками по полу деревянный настоящий стул, и крепкая рука фиксатого Пети, вдавила Аркадия в сидение.

– Расскажу вам сказку, браточки, короткую, но поучительную. Один пацан, годков, эдак, десяти – одиннадцати за то, что один майор – коммуняка насильничал его мать, сапожным ножом лишил его, майора, мужского хозяйства. Не надо ржать, а то в стойло попадёте, жеребцы. В том же году тот же самый пацан валит начальника колонии, и становится на лыжи. Знаете, как валит? Карандашом в глаз! Потом восемь лет сидит в тайге, пока краснопогонные не надыбали его и не скрутили ласты.

– Саша, я не въеду, ты о чём?

– А о том, сердешные, что правильный и порядочный человек среди вас живёт, а вы ни сном, ни духом. Нет у вас уважения к людям! Теперь въезжаешь, Петюня, или мозги отморозил?

– Саша, та шо это за клиент? Мы про всех интерес проявляли, таких героев у нас нету. Шо ж мы не люди, чтобы правильного мужика пропустить? Обижаешь, Са...

– Закрой поддувало! Холодно становится! Ты тут своей любимой сгущёнкой последние мозги залепил. А тот человек перед тобой сидит! А вы его восемь годков раскусить не можете! Он столько лет без греха мается, а вы морды в сторону! Он за честь свою, и мамки своей ничего сделать не боится, ни одному следаку никого не срисовал – всё только на себя брал! И это в одиннадцать лет!

Саша начинал заводиться, его фуфайка уже слетела с его худых плеч. По лицам окружавших его мужиков без труда читалась мысль о том, что сегодня ничего хорошего им не светит, что в подобном гневе Москва завтра любого вора отправит лес валить вместе с простым мужчиной, и избежать этого не удастся никому.

– А вы ломаете тут передо мной настоящих воров, – продолжал Саша. – А сами только у гулящих девок в кабаках сумочки пороть можете! Чего затихли? Заговорались? Разбаловались вы по—серьёзному. И этим вы меня расстроили. Нам с парнем выпить и покушать! И погуляйте пока, я с человеком поговорю.

– Москва, так мороз же на дворе, мы ж....

– Мне повторять надо? Проглядели? Теперь на мороз!

Через минуту на столе уже лежало сало, колбаса, тёплый и, по—домашнему пахнущий, хлеб, консервированные огурцы и бутылка «Московской».

– Слушай меня и делай что скажу. Бери хлеб, огурец и немного сала. Ешь не торопясь. Ты парень правильный, но усвоить одно должен навсегда. Со мной не спорят. Никто и никогда. Ешь. Хлеба бери поменьше, много не кусай – желудок твой пока к такому не привык. Ешь.

«А что в этом плохого? – подумал Аркадий, – поем и поговорю с ним. Хуже не станет»

– Ешь и слушай. Говорить буду один раз. Да не набрасывайся ты на еду! Ешь спокойнее и медленнее пережёвывай. Ты не сердчай на этих... они тут без меня совсем разбаловались. Но теперь жизнь твоя намного легче станет. Но не вздумай боговать – обломаю. Жуй – жуй. О тебе на пересылках не один год легенды ходят. Мне на этапе ксиву подогнали, что ты у меня на зоне. Рассчитывал, что приняли тебя правильно, обогрели, а у них у всех задницы вместо голов, нос по ветру не держат. Приморил первый голод? Вот и молодец. Теперь наливай водочку. Плевать, что не пьёшь. Наливай. И стукни два раза в окошко.

Аркадий, сам не понимая, как он попал то ли под влияние, то ли под очарование Саши-Москвы, встал и дважды стукнул в оконную раму. А может быть этот Саша, попросту есть продолжением самого Аркадия, такого же спокойного и решительного одновременно? Или этот самый Саша, всего лишь был первым, кто вот так просто заговорил с ним? Зачем себе врать, но было несколько приятных моментов в речи Москвы, которые нежно щекотнули черствеющую душу парня. Но додумать эту мысль не удалось – с мороза в барак ввалился Петя и, не снижая скорости, подлетел к Саше.

– Петя, я тебе что, циррик позорный, чтобы такой хавкой давиться?

– Саша, не наезжай! Я не могу заставить дрова гореть быстрее. Потерпи... те минут пять, уже скоро.

– Кто на смене сегодня?

– Силыч и Сталин.

– Силыча позови, поставь ещё один стакан, стул не ставь. И поторопись с хавкой! Иди.

Очень даже не всё понимал Аркадий, ой как не всё! Силыч, это подполковник Силантьев, зам. начальника колонии. Сталин же – грузин, с какой – то длиннющей фамилией, оканчивающейся на «швили», был дежурным помощником начальника. Оба отличались повышенной сволочностью характеров и непомерной злостью к зекам. И сейчас один из них должен придти прямо сюда, а он, Аркадий, тут... и водка ещё....

– Не туда думаешь. Бери стакан. Пей глоточками и не спеши. Давай за свободу и жизнь на ней. Пей.

Аркадий выпил и закашлялся до слёз.

– Ну, как? Ты, правда, первый раз в жизни пьёшь? Это хорошо. Сегодня напьёшься до отключки, чтобы завтра тебе было плохо. Именно завтра ты поймёшь, что пить тебе не стоит никогда. Гадость это. Но другим пить не мешай. Водка – полезная гадость. Она развязывает языки и человек говорит то, что прячет внутри. А это частенько полезно послушать. Водка показывает, каким волком на самом деле есть ягнёнок. Это тоже полезно знать. Отдышался? Теперь возьми огурчик и кусок колбаски и положи на язык. Раскусывай медленно, пусть сок пустят. Надо не просто жрать, надо иметь удовольствие. Хлеба теперь кусни, желудок его теперь примет, как родного. Но только жуй хорошенько. А-а, вот и Силыч. Проходите, Ван Саныч, проходите. Как здоровычко? Как Генриетта Абрамовна? Нога зажила?

– Да нормально всё, Саша, нор... а этот что здесь делает? Встать!

– Тихо, Ван Саныч, не в штабе. Он здесь мой гость, а голос ты для быков побереги. Аркадий, плесни-ка водочки в стакан. Лей до краёв. Будь, Ван Саныч, здоровыца тебе и жене твоей. Выпил? Вот и славно. Подзакуси малость. Я чего тебя позвал-то? Что же ты проморгал моего человека, а? Ладно Петюня, он от рождения тупой, но ты то, ты то? К «быкам» поселил, «тёмные» разрешил, Ты что, ксиву не получал? Не слышу?

Саша постепенно переходил с благостного воркования на командирский грозный речитатив.

– Или ты думал, что раз меня здесь нет, то я ничего не узнаю? Так? Может я плачу тебе мало? Или ты тут общую раскрываемость благодаря мне не улучшил? Чего молчишь? Ты его делугу читал? Ты читал, или нет? Почему Изот Гомельский на меня голос повышал? А я тебе скажу, почему. По твоей глупости, Ван Саныч, а мне это обидно. Наказан будешь. Потом я решу как. Теперь, вот что. Этого парня, – Саша всей ладонью перевёл внимание Силантьева на быстро хмелеющего Аркадия, – ты не знаешь и не замечаешь. По смене своим то же самое передай. А он вам хлопот не доставит, я за него мазу потяну, понял? Он спокойно досидит под моим крылом, а ты проследишь, чтобы зарплату ему правильную написали с первого его

рабочего дня. Понял? Понял, спрашиваю? Вот и ладно. Аркаша, налей-ка ещё. Ты, Ван Саныч, не сердчай на меня. Меня моё начальство имеет, тебя – твоё. Нам с тобой дружить надо. Крепко дружить. Так что с Генриеттой Абрамовной?

– Да вот этот... ваш гость и поставил её на ноги. Каких-то вонючих корней наварил и пить заставил. Ногу ей чем-то мазал... всё и прошло. Врачи из Москвы, ой Саша, прости, из столицы только руками развели, а этот вылечил.

– Вот погляди, Ван Саныч, человек какое добро тебе сделал, а ты с порога на него «Встать» кричишь. При этом, тебе ещё и сообщили о нём. Как сам – то меркуешь, прав ты, Ван Саныч?

– Извини Саша, закопался я совсем в делах, боков напорол, извини, Аркадий... Михайлович.

– Ай, красавец! Так ты его и по батюшке знаешь! И ещё ты знаешь, что он не наш, не воровской масти, и он всего-то честь защищал, а может статься, и жизнь. Поэтому и покромсал тех, кто посильнее его будет. А ты с ним, как с Ванькой шнырём, мародёром. Ладно, Ван Саныч, извинительные слова ты сказал сам, без напоминаний, поэтому и прощение моё ты получил. Давай по третьей выпьем, и ступай себе на работу. Не сердись, что голос на тебя повысил, это за твою ошибку. Для примирения сделаю тебе подарок. На шестом участке в следующую среду готовится побег. Предотвратишь, и ко дню милиции новую звезду обмывать будешь.

– Правда?

– Я говорю один раз. Выпивай и ступай себе.

– Я всё понял. Только...

– Не волнуйся. Аркадий... говоришь, жену травками и корешками подлечил? Лесник, выходит? Хорошо выходит... Да, будет Лесник. Так вот, Лесник с головой дружит, так что о нём не переживай.

– Тогда я пошёл. Спокойной ночи!

– Спокойной службы, Ван Саныч.

Когда дверь закрылась за Силычем, Аркадий поднял отяжелевшую голову и примерно в упор посмотрел на Сашу.

– С вопросами повремени, сейчас Петюня зайвится.

Через минуту-другую, вталкивая впереди себя громадную охапку морозного белого воздуха, в барак ввалился Петя. Он принёс зажаренную курицу. Аркадий попытался вспомнить, как выглядит живая, но не вышло. Живую курицу он не помнил по внешности, а жаренную никогда не ел. Такая вот жизнь.

– Саша, не хотели базару мешать, поэтому и не несли раньше. Что –нибудь ещё?

– Нет, Петя, спасибо. Ступай.

Снова стукнула дверь барака, выпуская Петю. Саша разломал курицу пополам и жестом предложил Аркадию выбрать себе кусок.

– Так вот, дружок, есть у тебя вопросы ко мне. Отвечу. Первый, почему ты Лесник, да? Это не злое прозвище, уважительное и, что важно, суть твою отражает. Теперь ты будешь Лесником навсегда. Вопрос второй. Побег. Верно? О нём хотел спросить? Чтобы нам здесь легче жилось, ментовское начальство над нами должно показывать своё усердие и рвение перед своими начальниками. За это им почёт и звёзды на погоны. Вот я и помогаю им в их службе. Я прошу людей подготовить что-то похожее на подготовку к побегу – складик, там, с вещичками, немного продуктов, то да сё. Или сделать подкоп под колючкой. Время от времени Силыч вроде что-то такое находит, и резво рапортует наверх. Ему благодарность и повышение, а нам спокойствие от ненужных комиссий. Никто не наказан, поскольку побег предотвращён вовремя. Понял? А ты, вроде подумал, что я мусору кого-то сдал? Ошибся. Наливай ещё, мамку твою помянем. Скончалась она в том же 45-м от воспаления лёгких, в психушке скончалась. Царствие ей небесное.... Не чокаясь. Не забывай закусывать. Курицу ешь не торопясь... и не стесняйся пальцы облизывать, на них всё самое ароматное остаётся. Нет, хлеб к курице не бери, лучше огурчик. Вкусно? Ешь-ешь, ночь длинная, как и жизнь.... Наливай. Э-э-э, да ты лихо опьянел, уже и льёшь мимо.... Ничего-ничего, это простительно. Теперь за папашу твоего. Не нашли его, ни в списках погибших, ни среди пропавших. Может это тебе надежду, какую даст, не знаю, но на всякий случай за его здоровье выпьем. Правильного человека он родил. Пей.

Всё остальное, происходящее в тот вечер, Аркадию то ли снилось, то ли не запомнилось. Наутро он встал, как побитый. Первое, что уловили его глаза, был шнырь, стоящий с кружкой рассола.

– Ты, это, Лесник... я же не знал, кто ты есть..., это... не... извини, за вчерашнее.

Аркадий жестом попросил замолчать шныря и показал на кружку. Шнырь с готовностью протянул её Леснику, да так, что добрая половина содержимого пролилась на пол. Выпитый рассол, как огонь свечу, медленно начал плавить гадость похмелья.

– Лесник, я... я серьёзно....

– Тихо, – сказал Аркадий, и протянул шнырю руку.

Тот ошарашено уставился на немного дрожащую ладонь Лесника, потом посмотрел в глаза, снова поглядел на ладонь и не смело протянул свою. Пожатие состоялось.

– Ну.... Лесник, ты вообще... ну... ты – человек! Я даже... ну ты...!

– Тихо, голова трещит. Рассола больше нет?

В одну секунду, шнырь из умилённого и растроганного, превратился в серьёзного и заботливого.

– Так! Лежи и не дохни пару минут. Я мигом. Рассол, что ещё?

– Только рассол.

– Лечу! Отбежав на несколько метров, шнырь начал заполнять окружающее пространство своими восклицаниями.

– Не, а? Каково?! Пете? А хрен Пете! А мне... а? Ну, Лесник! Во... а он.... Не, всё! А, что? Но, человек, а?

Рассол прибыл под крик шныря, разгоняющего курящих, находящихся в опасной близости от похмельной головы Лесника.

Принудительно, как происходило в предыдущие годы, Лесника на работу больше не гоняли. Его вообще никто не замечал – ни зеки, ни охрана. Он занимался тем, что ему хотелось в эту минуту. С Сашей – Москвой у них происходили ежедневные беседы, которые часто заканчивались просьбой Саши рассудить какую – нибудь спорную ситуацию между местными ворами. Конечно же, Саше и приблизительно не требовалась помощь Аркадия, Ему было интересно следить за мыслью Аркадия, старающегося примирить спорящие стороны. И всё чаще Москва замечал не стандартность мышления Лесника и его поразительную способность логично и взвешенно выходить из сложных ситуаций совершенно мирным путём, тогда как по воровским понятиям решение подобного спора требовало наложений специфических санкций. Вплоть до физического устранения.

Но иногда Лесник всё-таки выходил с рабочими бригадами на валку деревьев. Он проходил мимо конвоиров, которые старательно его не замечали, и долго бродил в одиночестве по лесу, трогая деревья руками или собирая известные ему растения. При этом он постоянно шевелил губами, как будто разговаривал со своим другом – лесом. Нагулявшись, он возвращался на лесосеку, где его уже ждал горячий чай и место в спешно сооружённом шалаше из свежих веток.

Так пролетело ещё два года. В канун Нового 1964 года, на вечерних посиделках у Москвы, Аркадий задал вопрос, сидевший в нём, как заноза.

– Саша, скажи мне честно. За что мне такая честь? Не думаю, что я один так поступил в жизни, однако не всех берёт под своё крыло Саша Москва.

– Хочешь честно? Ладно, будет тебе честно. Ты не единственный порядочный в этом мире и мне плевать на то, что и как ты сделал, и плевать на всю твою жизнь. Но между людьми есть одна вещь, которая называется уважением. Слово это простенькое, а смысл – как океан. Не переплыть. Один человек, которого я очень уважаю, попросил меня пригреть тебя. Я дал слово. Теперь тот человек может о тебе забыть навеки. Почему? Потому что уверен, с тобой всё будет в полном порядке. Вдруг я его о чём-то попрошу, он всё сделает для меня. Между людьми не деньги главное, ни жополизание и подхалимство. Главное между людьми – отношение. Оно же уважение. Поэтому, хоть мне и плевать на тебя, я никогда и никому не позволю косо на тебя глянуть.

– Кто этот человек? Я ведь никого не помню из родни.... Я даже не знаю своих родных. Мне через три года откидка светит, а....

– Зачем тебе надо так много знать?

– Потому, что это касается лично меня. Почему я не могу спросить?

– Хорошо. Но пока обойдёмся без имён. Мой хороший знакомый очень любил своего племянника, очень любил. Но, редко бывая на воле, он мог полностью опекать пацана и его мать. И вот в конце 1944 года с его сестрой и с племянником происходит нечто такое, не такое мерзкое, как с тобой, но финал тот же. Так вот, племяш попадает к Гвоздикову в посёлок. Знакомый начал наводить справки, чтобы не дать парню пропасть, но не успел. Довели там парнишку до петли. ... Одним словом, схоронили племяша. Мой знакомый от горя совсем седым стал. ... Он даже молиться начал. Он всё у Бога спрашивал, почему он не отдал парня немцам под расстрел, а отдал своим же на поругание?! Короче говоря, вынес мой знакомый Гвоздикову смертный приговор, но ты его опередил. Причём, интересно у тебя получилось – голого на колени поставил и с карандашом в глазу. Поэтому мой знакомый и тебе приговор вынес. По этому приговору он избавляет тебя от любой опасности и нужды и здесь, и на воле. Вы с племяшом одногодки. Были. ... Ответил?

Аркадий молча смотрел на свои ладони. Долго молчал. Потом вздохнул и сказал.

– Саша, откровенность за откровенность. Даже если на мне две загубленных души, я не хочу быть таким, как фиксатый Петюня, как Миша-Леший или, прости, как ты. Не моё дело воровать. Я не могу. И не хочу.

– Ты, дружок, сейчас только по бережку ходишь, только-только ножки в воде замочил. А придётся тебе, даже если и не хочешь, окунуться в нашу воду по самое горло. Кем ты будешь, когда откинешься? Пойдёшь по институтам учиться? Или на завод пойдёшь, к станку? Куда? А вот никуда ты не пойдёшь, Аркашенька, никуда. Потому, что никуда тебя не возьмут. На тебе клеймо зоновское, больше твоей тени, понимаешь? Правда, можешь попробовать дворником, за сорок целковых в месяц – это ещё можешь попробовать. Но твою порядочность и твой характер на свободе никто не увидит и не оценит. Только на зоне ты можешь быть уважаемым за то, что ты сделал на воле. Так всегда было. Но так всегда будет. Может быть и, к сожалению, но так будет. Ты уже вор и выйдешь отсюда воров. На воле многие большие люди о тебе знают, как о воре. Вор – это не криминальная специальность. Вор – это статус человека. Слово-то одно, а понятия разные, да. ... Тебе воровать и гоп-стопничать не придётся. У тебя другая задача. Ты разводящий. Улаживать споры, договоры с конкурентами проводить. Одним словом мир блюсти в наших делах и между нашими людьми. Мы ведь на воле не только жируем и пьём. Мы занимаемся делами. Мы не прогуливаем деньги, как эта заворовавшаяся босота, мелочёвка позорная. Мы работаем. Нам сложно с коммунаками деньги делать, но можно. Делиться приходится с властью. Но ничего, делимся. Но зато и сами зарабатываем. Займёмся нашими делами, в которых нет криминала. Себе на зоне я замену из других уроков воспитаю, а на воле нам головастые и честные нужны. Ну и сам голодный не будешь.

Где-то так звучала история Аркадия-Лесника из уст Михыча, царствие ему небесное. Конечно, никакой Михыч Леснику не племянник. Откуда у сироты родня? Просто сирота Аркадий подобрал сироту Мишу и назвал своим племянником. Между людьми самым главным является отношение.

Скорее всего, Михыч что-то приврал, а может что-то подзабыл, добавив от себя в рассказе какие-то подробности. Но этот, зоновский кусок жизни, Лесник лично рассказывал

Михычу в редкие минуты откровения. Лично мне кажется, что всё это правда. Во всяком случае, я в это верю.

Забегая наперёд, я могу сказать, что ещё восемь дней лежал Лесник в коме. На девятый день он открыл глаза и совершенно спокойно и с чёткой дикцией сказал Валере, все эти дни неотлучно находившийся при нём.

– Валера, я только что маму видел... она у меня красивая. Я к ней... пойду.

И всё.

Глава 3

Вечером Валера получил от Петровича распоряжение лично заняться похоронами Лесника, согласно его завещанию. Аркадий Михайлович просил похоронить его рядом с матерью в некогда провинциальной Коломне. Просил на могиле посадить кедр.

Валера созвонился с коломенскими «коллегами» и попросил подсобить с похоронами, пока они соберут тело в дорогу. Коломенские ответили так.

– Да ты чё, братан? Где мы его матуху искать будем? Пацанов по погостам гонять за даром – нам не катит. Тут мороки не на один кусок зелени. Нам эта маета не тарыхтела в бубен. Понял?

Если бы разговор был очным, то Валера зубами разорвал бы говорившего, вместе с его бубном. Но рядом была только телефонная трубка и километры провода.

– Слышь, братела, не спи. Чего молчишь? Как вашего фраерка звать-то? Ну, того, жмура?
– Лесник.

– Кто?! – заорал коломенский браток и бросил трубку.

– Ссуки!!!, – прорычал Валера и с силой сжал кулаки.

Через минут пять раздался телефонный звонок.

– Слышь, братан, как тебя кличут?

– Валера.

– Короче, Валера, ты сам виноват. Имя озвучивать надо было сразу. Такая байда, ты слушаешь? Пацаны уже полетели на кладбище, если надо, то и архив на уши поставят, но могилу его матери найдут. Рядом сделаем для Лесника. Ты на проводе?

– Да.

– Вот. Прямо сейчас, в столице, в Ботаническом саду, наши ищут кедр. Не найдут там, хоть с Красной площади выкопают. Ствол, в смысле дерево, будет. Про бабло забудь – не было такого базара. Всё будет сделано, как для себя.

– По дереву постучи.

– Я себя по груди стучу. Что у вас с машиной? Есть на чём доставить?

– Найдём.

– Тогда свиснешь, когда ждать. Всё сделаем путём. Бывай, Валера.

– Спасибо, – сказал Валера и, почему то заплакал.

Похороны прошли без шума и скопления машин. Кедр посадили в ногах у Лесника. Когда начали засыпать могилу, к кладбищу подъехал грузовик с полным кузовом кедровых шишек. Братва руками перетащила шишки на могилу и сложила надгробным холмиком. Потом поговаривали, что местные кладбищенские бомжи, подчищавшие могилы после прихода родственников, с уважением поправляли рассыпанные ветром шишки. Но не одной не взяли. Кедр прижился.

Поминки тоже не походили на предыдущие подобные события. Братва выехала за город, на природу, и там помянули честного вора. Ну, а поскольку, практически все питейные и увеселительные заведения в городе принадлежали выехавшим на природу, то все кафе и рестораны были закрыты. Правонарушений в этот день милицией зафиксировано не было тоже. Главное между людьми уважительное отношение.

Такой вот простой финал у непростой жизни. Вспоминая Лесника в Чешском городке, мне вспомнился ещё один персонаж – бывший НКВДшник Кураков, на чьих плечах Победа добралась до Берлина. Они были, примерно конечно, ровесниками. Хотя нет, Кураков лет, эдак, на двенадцать постарше будет, но не суть. Ведь у этого Гермогеновича судьба тоже не мармеладная была с детства. Поди, и горя он хапнул не одно ведёрко. А каков финал? В одиночестве, в своём доме, и во вранье до последних секунд жизни. А другой, ещё при жизни, оброс, как кедр мхом, легендами. А ведь и НКВДшники и зеки всё равно люди, подобные нам – из костей и из мяса. И далеко не однозначно одни плохие, а другие хорошие. Они часто менялись местами и ролями. Вот и жили в одни годы два человека с разными судьбами и несхожими финалами. Главное – отношение. И УВАЖЕНИЕ.

Словно из сна в реальность меня вернул голос жены.

– О чём задумался? Нам уже спускаться пора.

– Да, так... Лесника вспомнил. Мне, кажется, что он долго не протянет. Не в его возрасте такие травмы переносить. Да, уж... Пошли к столу.

В большой комнате на первом этаже был накрыт стол. Петрович стоял лицом к окну, заложив руки за спину.

– Мы не вовремя?

– Хотите новость? – Не оборачиваясь, спросил Петрович.

– Нет. У нас уже одна есть. И та плохая.

– Откуда узнал?

– Валера звонил. Он в больнице дежурит.

– Значит, знаешь... И что думаешь делать?

Я мог бы ответить на этот вопрос так, как ответил мне Валера, но разглагольствовать о Нострадамусе просто не было настроения.

– Откуда мне знать, что делать.... Я здесь по приказу Лесника. Говорите вы мне, что надо делать.

– Что делать.... Сначала за стол, думать потом будем. Выпьете?

– Не то настроение.

– Это точно, это точно... приятного аппетита.

Разговор не клеился. После застолья нас попросили подняться наверх и подыскать себе развлечение самостоятельно.

Через окно нашей комнаты я увидел, как Петрович с Лёхой сели в машину и куда-то уехали. Тут же без стука в дверях комнаты появился парень в шортах и наплечной кобуре. Босиком.

– Вова. Здравствуйте. Пардон. Без стука. Завтра, в восемь утра уезжаем. Из дома никуда. Пока.

Дверь закрылась. Вот так ёмко и немногословно мы получили информацию обо всём, что нас ожидает в ближайшее время. Заодно и познакомились.

– Деуки, я уоука, – передразнивая детсадовского и картавого знакомого, неизвестно для чего вынырнувшего из памяти, громко сказал я.

– Я слышу, – из-за двери прокричал Владимир.

Нам стало смешно и очень неуютно. Нас уже охраняли с оружием у дверей нашей комнаты.

– Что твоя интуиция на этот раз тебе говорит?

– Мне здесь настолько неприятно находиться, что пальцы холодеют. Ты, кстати, не обратил внимания на Петровича? Он себя так вёл за столом, как будто он чем-то разочарован, а не расстроен по поводу Лесника. Не заметил?

– Вроде нет. Мне, пожалуй, снова проконсультироваться надо. С Валерой. Я на улицу выйду и позвоню.

– Чтобы Вовка не слышал?

– Лесник куда-то перегнал все деньги. Все, понимаешь? Всю бандитскую кассу. Но, ни в одном разговоре Петрович и Чехия вместе не упоминались ни разу. Мне кажется, что нас должен был кто-то другой встречать. И не знакомый нам. А вот с этим всем, – я почти театрально обвёл рукой нашу комнату, – ну не входит здесь вилка в розетку. Особенно если эта вилка в шортах и в наплечной кобуре.

– Но ты ведь к тем деньгам отношения никакого, правильно?

– Правильно. Но получается так, что это понимаем только мы с тобой. Ладно, пойду в Смольный позвоню.

В коридоре второго этажа, на стуле, видел Вова. Он повернул голову в мою сторону и состряпал вопросительную мину. Я сделал вид, что не понял смысла его гримасы, и начал спускаться по лестнице на первый этаж.

– Ты куда?

– Туда.

– Зачем?

– Я арестован?

– Нет... я просто....

– Вот и славненько. Скоро буду.

Такая вот охрана. Практически домашний арест. Нас для этого привезли сюда за две тысячи километров от дома?

Выйдя со двора на пешеходную дорожку, я повернул направо по улице и прошёл метров тридцать. На таком расстоянии подслушать меня в прямой видимости не удастся. Ещё раз оглянувшись, я набрал номер.

– Ну, чего?

– Валера, кто меня в Чехии должен был встречать?

– Не знаю точно. Кто-то из наших. А что, не встретили?

– Встретили. Петрович.

– Кто?!

– Ты слышал кто. Эта встреча тихонько переросла в мой домашний арест. Я для этого сюда ехал?

– Петровича там не должно быть! Он же в Питере по делам.... Та-ак! Начало положено. Он там один?

– Нет. С ним ещё двое – Лёха и какой-то Чистюля Вова.

– Ты не перепил, братик?

– Я сегодня не пил.

– Если не пил, то мели чего не надо. Чистюля вместе с Зеней до сих пор пылью опадают на землю.

– По-моему, Чистюля уже опал на землю и материализовался. Он живой и с пистолетом под мышкой.

– Тогда... что же получается? Петрович и Чистюля,... а что это за Лёха? Серьга в виде крестика в левом ухе есть?

– Есть.

– Сука, засада! Твою дивизию!!! Это что же... они при делах, что ли? А с тобой... Сука. Я же здесь один, ни выйти, ни хрена. Стоять! Я не всё понимаю... Аж жарко стало. Не могли же она так с Лесником, а? В голове не укладывается. Это точно Чистюля? Ну, сучий мир!

– Я понимаю, что ты расстроен. Что надо делать? Ведь ещё какие-то деньги где-то участвуют в этом сценарии

Что за деньги, где они и каким боком я к ним прилеплен?

– В голове не укладывается... деньги... Да пошли они в жопу, те деньги! Ты прикинь, что произошло. Подлее ещё никто не выделявал! Деньги... Там что-то такое, типа всё бабло за студию и ещё доля Лесника, которую он имел помимо общака. Деньги на его и твоё имя лежат. Где – не в курсе. Лесник только сказал, что ты способный и сможешь их получить... Да иди ты со своими деньгами! Тут мерзость такая идёт, а ты про деньги! Иуды козлиные!

– Зря Иуду ругаешь, он не предатель. А те деньги и мне не нужны, только деньги это – часть игры, которую Лесник в одиночку придумал. Сечёшь?

– Ни хрена я не секу. Ты, это, вали оттуда, от Чистюли и Лёхи с Петровичем. Теперь понимаю, зверьё это. Вали!

– Куда? В этих городках даже такси нет. Вали...

– От гадство! И я не могу в глазки им посмотреть... Короче так. Давай договоримся. Купи карту. Следи, куда и как будете ездить. Когда я позвоню, назовёшь город, который от того, где ты находишься, будет в пятидесяти километрах строго на север. Понял? Я тогда пойму, где вы. И время. Будешь добавлять семь часов к текущему времени... хотя, на кой хрен мне это время? Короче, понял? Как здесь устаканится, я к тебе прилечу. А ты постарайся свалить отсюда, то есть оттуда, понял? Ох, и времена настали!

– Про карту я понял, свалить попробую, но игра здесь не простая, и сваливать мне будет тоже не просто, скорее всего, нас двоих одновременно не пустят погулять. Сейчас я вышел на улицу, а жену Вова стережёт под дверью. Так что...

– Да, это я понял. Держись любыми путями, я за тобой примчусь. И за ними тоже.

– Ладно, тогда пока. Следи за Лесником.

– Пока.

Я не перестаю удивляться Валере, вернее тайне сегмента его характера, который так подвержен удивлению. С точки зрения современного человека – что произошло такого, что может вызвать удивление? Ожившие мертвецы? Ну и что? Это не киношная страшилка, это реальность нашей страны. Это вульгарное, в переводе с латыни, простое, обычное предательство. И всего-то. История мира вообще и страны в частности, как новогодняя ёлка, украшена предательствами и изменой в лучших её проявлениях. Но вот что самое паскудное, воспитанное на подобных явлениях, каждое новое поколение добавляет и разукрашивает вышеупомянутую ёлку, всё более циничными и всё более извращёнными способами измен, начиная с бытовых и кончая государственными уровнями. Людям не стоит меняться к лучшему – это хлопотно и не выгодно. Технический уровень в мире ежесекундно растёт, а человеческий с такой же скоростью деградирует. Это плохо или хорошо? Это никак. Это факт. Это чрезвычайно выгодная ситуация для власти. Это такой редкостный подарок для неё, что она, власть, управляя людьми сообразно ситуации с уровнем мерзопакостности в обществе, автоматически становится лидером по подлости, по проявлению гадости в человеческой натуре и, как обязательное условие при приёме во власть – предательство. В этом и сконцентрирована основная мысль греческого афоризма – «Ничто человеческое мне не чуждо». В разговоре с одним знакомым об этих нюансах человеческих отношений, он высказал не очень оригинальную мысль о том, что с подобными людскими пороками у северного соседа тоже полный порядок. Поэтому не стоит ругать «кохану и самостийну». Логика в его словах столько же, сколько и в молотке. Давайте ровняться на всемирную гадость и мерзость, поскольку иметь совесть и другое гадкое чувство, часто повторяемое масоном-евреем Лениным – честь, не есть достойным Хомо президентус, Хомо премьерша-министрус и Хомо депутатос. Великая эпоха Хомо из власти над остальными Хомо из низов при безразличном отношении друг к другу и позволяет буйно колоситься всему, что вызывает удивление у Валеры. Зачем выделяться благородством и порядочностью? Ещё ненароком обзовут не престижным и даже обидным именем Христос. Лучше быть такой же гадостью, как остальные. И среди такой же гадости гадостью и выделяться. При этом делать виноватым северного соседа и кивать в сторону дурной наследственности. А сами что? А ничего. Или ситуацию с людскими пороками изменит новый Моисей, или всё так и останется. Навсегда. Мы дожили себя до состояния стабильного ухудшения ситуации. Мы с усиливающимся рвением ложимся под любого начальника, чтобы иметь возможность пройтись по трупам своих соплеменников. Изменять слову и друзьям, ради выгоды в десять гривен, или в сомнительном превосходстве перед тем же копеечным начальником, а потом потратить сотню гривен на благодарственную признательность и потерять друзей. Вот это у нас в крови, это уже основа национальной политики во внутреннем и внешнем её проявлениях. Это, как говорят литературные критики, красной нитью проходит через всю историю страны. Историю измен, предательства и поиска любого, пусть самого хренового начальничка или возвышенного сомнительным путём самозванца, под которого надо лечь. Вот это основа мировоззрения и воспитания нации в целом. И, как следствие, каждого отдельно взятого члена и членши этой нации. Стоит ли удивляться сегодняшним отношениям между людьми, если у всей нации на памяти нет ни одного, по-настоящему, героя? Разве что благородного поведения бандиты и грабители. Нет даже придуманных, или киношных героев, которых бы ставили в пример. Есть только такие, какие есть. То есть никакие. Чему Валера удивляется? Измене своих собратьев по бандитскому оружию? Пусть он посмотрит широко распахнутыми глазами на всю нашу страну и повесится от огорчения. Удивительно не то, что измена совершена у него под носом, а то, что она так редко им замечается. Это Валере надо удивляться, а не тому, что его удивляет произошедшее. Всё это и есть частичкой того ада, о котором все говорят и все боятся. Но в будущем. И почти никто не осознаёт, что большего ада, чем созданный сегодня

своими же поступками, просто не может существовать где-то там и когда-то потом. В этом условном делении будущности на ад и на рай, нам, скорее всего не грозит увидеть последнего. В чём живём, в том и останемся.

Благополучно додумав мысль, до логического конца и осознав до конца, что лично мне изменять себя в лучшую сторону пока не хочется, я направился обратно в дом. Чистюлю я увидел выглядывающим через раздвинутые пальцами жалюзи. Значит, началась новая игра с новыми партнёрами. Только вот группы поддержки, в лице Лесника, у меня нет. И от этого мне впервые, после взрыва в пансионате, стало по-настоящему страшно.

Переступая порог дома, я услышал недовольный голос Чистюли.

– Чего так долго?

В голове сразу же прогрехотало предупреждение Валеры о необходимости быть осторожным.

– Я ведь в первый раз за бугром, мне тут всё интересно.

– Ну, да.

– Спокойной ночи.

– Давай.

Закрывшись в своей комнате и выключив свет, мы с женой устроили совет в Филях. Я ей подробно рассказал всё, что знал о Леснике, о его детских мытарствах и сегодняшних проблемах. Рассказал о телефонном разговоре с Валерой и о том, что нас охраняет покойник.

Оставив жену, спокойно приходите в себя после услышанного, я спустился на первый этаж, чтобы сделать себе кофе. В холле, удобно развалившись в кресле, дремал Вова – Чистюля. При моём появлении он открыл глаза и принял позу настороженной охотничьей собаки.

– Чего?

– Не спится на новом месте. Кофе хочу сделать. Ты будешь?

– Не. Иди спать.

– Мне за руль не садиться, так что могу и не ложиться. Тебе кофе делать?

– Не. Бери кофе и иди к себе.

– Ладно. Спокойной ночи.

– Давай.

С чашкой в руках я поднялся в комнату и запер дверь.

– Что скажешь? – спросил я жену, сидевшую в той же самой неудобной позе.

– Где деньги Лесника?

– А вот это самое интересное. Я могу только порассуждать об этом. Ответов на такие масштабные вопросы не имею.

– Зачем ты кофе так поздно пьёшь?

– Чтобы занять себя чем-нибудь.

– Спать не будешь.

– Я хочу посмотреть, как ты будешь спать, когда у тебя Вова крутится с ножичком около жопы. И ещё в чужой стране.

– Ладно. Где деньги Лесника?

– Я немного поговорю, а ты послушай. Скажешь, прав я или нет? Тогда сами и определим, где он клад зарыл. Будешь слушать?

– Дай хлебнуть из чашки.

– Спать не будешь.

– Не жадничай.

– Пей и слушай. Моя мысль такая.

– У тебя длинные предисловия.

– Ладно. Вот представь себе, живёт себе такой мужик в законе. Лесник. Занимается делами, куёт деньги для себя и в обшак. При тогдашнем Союзе не было сегодняшних проблем с сопредельными государствами. Другими словами, Украина была достаточно условным государством, и поместить свой денежный интерес на этой территории было не сложно. Разместить очень большой интерес можно было только с разрешения верховного бандита из ЦК Украины. Я подозреваю, что это было сделано Лесником. Дань отстёгивал регулярно, дорогу никому не переходил, поэтому спокойно работал. Тут пришли бандиты нового поколения, более дерзкие и наглые, которые просто поделили между собой целую страну. Не город и не район, а страну. Вот где масштаб! Заодно и сбербанк почистили. Я бы им памятник при жизни поставил! Это просто Бендеры в десятой степени. Ну вот. Пацаны из новой генерации, по инерции ещё каким-то хреном справлялись с ситуацией в собственных вотчинах, но с каждым новым президентом умение управлять катастрофически уменьшалось. При теперешнем, Отравленном, это качество хозяина в стране вообще стало атавизмом. И вот тут сам собой встал вопрос – где брать средства для приятной жизни, если заработать их нет реальной возможности ни руками, ни мозгами. Отравление подкосило. Выход один – экспроприация экспроприаторов. Дани, которую по-прежнему платят, уже мало, своих средств нет. Значит что? Пока в самом верхнем кресле твоя задница, можно попользоваться властью. Что и сделано. Правда безграмотно и глупо. Впрочем, как и всё в этой стране. Вот. А когда низовые бандиты стали роптать и не соглашаться на мирный отказ от своей собственности в пользу главного пацана страны,

решено было начать политику устрашения. Не помогло. Людей, типа Лесника, просто нечем запугать. Да и кто пугать собирался? Смех один. Тогда перешли к открытым репрессиям. Ты это уже сама помнишь. История с Михычем, царствие ему небесное, подкуп людей из окружения Лесника. Санька не помнишь? А, ну да, это было в Воронеже. При помощи Санька рванули машину около пансионата Лесника. Он как раз собирался в той машине ехать. Вот не рассчитали только, что Лесник машину даст мне. Короче, не вышло. Я очень долго не мог понять, что и для кого мог значить Михыч, если его решено было убрать. А он был всего лишь назначенным директором студии. Он ведь ничего не решал. Ради устрашения Лесника? Глупо, поскольку Лесник уже имел собственное покушение. Я думал об этом, потом, правда, забыл. Потом снова вспомнил. Потом забывал, потом вспоминал. Вроде в речке бельё стирал. Опускал мысль в воду, потом доставал. И так до тех пор, пока мысль не отстиралась от жалости к Михычу и от ненависти к стрелку. Я просто понял, эти покушения идеально похожи. Просто идеально. И ведь накануне покушения на Михыча, Лесник приезжал на студию. И что произошло? И второе, что мне бросилось в глаза, но понял я позже. На телестудии монтировали оборудование только в двух монтажных студиях из семи. Остальное оборудование стояло в ящиках, помнишь? А вот сейчас я практически уверен, что студия готовилась к работе формально. Ящики уже были привезены пустыми! Это была ложная активность. Такая же ложная, как и объявление в газете о приёме на работу.... Такая же, как и твоя работа. Это всё отвлекающий манёвр от главного – вывод средств и денег с Украины. Средств и денег, которые курировал Лесник. И я очень не уверен, что Лесник хоть с кем-то делился своими планами. Точно-точно. Ещё Василий Васильевич мне говорил, что студия запитана на четыре киловатта, а это чуть больше, чем обычная квартира. А больше и не надо, она не должна была заработать вообще. Вот так вот. Теперь дальше. В окружении Лесника появляется новый человек. Я. На меня сваливаются деньги, квартира и дружба Лесника. Через время я уезжаю из Воронежа, делаю по просьбе Лесника выдержку и снова появляюсь в поле общего обзора на телестудии. Проявляю активность в работе, потом разборки с убийцами Михыча и всё такое. У стороннего, но заинтересованного наблюдателя может сложиться впечатление, что я состою в украинском интересе Лесника? Не только может, но и должно. Это тоже отвлекающий манёвр. Как и наш отъезд в Чехию. Где я ошибся?

– В одной чашке кофе.

– Не понял.

– Надо было две брать.

– Нет, я серьёзно.

– Может, я не всё знаю, но явных ошибок нет. При таких людях, и при таких деньгах, не может быть простых телодвижений. Лесник и правда что-то задумал.

– И я о том же. Теперь настало время вопросов. Вопрос первый и простой. Что задумал Лесник? Вопрос второй и призовой. Какова моя роль в этой задумке? Есть наводящий подвопрос – как нам выжить во всём этом происходящем, если мы ни сном, ни духом не понимаем, наверное, целый десяток вещей. Где деньги Лесника? Зачем так беспокоиться о нашей безопасности, когда проглядел собственную? И последнее. Мы здесь с целью, которую не успели понять, но эта цель настолько точно и понятно прописана для Петровича, что он нас охраняет этим погибшим уродом.

– Может такое быть, что, ну... Петрович думает, что ты знаешь, где деньги и приведёшь его к ним? А я нужна для страховки. Для того чтобы ты поговорчивее был, понимаешь?

– Понимаю, но я не знаю, где деньги. Их вообще здесь может не быть. Их, может быть, давно отдали тому в законе, который над Лесником. А эта поездка только для того, чтобы было понятно, кто есть кто в деловой колоде Лесника. И вот ещё что... Может, я слишком хорошо о себе думаю, но я не верю, чтобы Лесник отправил нас первыми на минное поле. Я рассчитываю на то, что он просто не успел что-то главное мне сказать. Вот не верю я, что он меня как пушечное мясо... не верю.

– Давай не играть в викторину. «Верю, не верю»... Я думаю вот что, с нами ничего серьёзного не произойдёт до тех пор, пока они не получают деньги или не поймут, что ты ничего о них не знаешь. Какой у нас выход?

– Тянуть время.

– Когда Валера обещал приехать?

– Когда всё образуется с Лесником.

– То есть не скоро. Тогда будем тянуть время. Тебе страшно?

– Настолько, что я сейчас пойду в туалет. И надолго.

– Иди. А я попробую заснуть.

Утро началось намного хуже, чем кончился вчерашний вечер. Жена просто убила меня своим вопросом.

– А кто тебе должен был передать банковскую карточку?

– Мужик с красным пакетом в руках. На пакете надпись «Пенни»... Твою мать!!!

– Ты мою мать не трогай. Ты своей спасибо скажи за свою дырявую башку. У этого Лёхи был пакет?

– Ни хрена у него не было... не было! Вот это мы попали!

– Это ты попал, голубчик, и тебе же нас вытаскивать отсюда, уяснил? А теперь пойд и помолись о том, чтобы они вчера не подслушивали твой монолог. Я пока пойду, помою зубы.

Как же так могло случиться? Я же помнил о главной примете встречающего... И что мне теперь делать в этой мышеловке, в которую даже сыр не положили? Собственно говоря, уже не имеет значения, что в ней делать, важно, как из неё выбраться? Вот это я лоханулся!!!
Страх и отчаяние этой минуты просто свели на нет страхи вчерашнего вечера.

Из ванны вышла жена.

– Ну, что Плейшнер, кусай свой воротник с ядом и бросайся со второго этажа.

– Представляешь, засмотрелся на за границу и даже не снялся с ручника. Меня сбило то, что он назвал нас по именам.

– Поздно каяться. Иди, умывайся. Сейчас покойник придёт.

Умывался я кое-как. Щётка упорно размазывала пасту по щекам, вода из смесителя текла то холодная, то обжигающе горячая. Устав бороться с утренней гигиеной, я намочил в воде полотенце и вытер им лицо. Им же протёр и зубы. Но прийти в себя не получалось.

Вернувшись из ванной комнаты, я застал в комнате Вову. Он был потрясающе немногословен.

– Пора.

– Что пора? Куда пора? Кто из нас куда спешит, а? Ты торопишься куда-то к открытию? Так езжай! Я не тороплюсь, это раз. Мне здесь не нравится, но я здесь останусь и выпью кофе, это два. Или мы под арестом? Где Петрович?

Вова смотрел на меня так, как будто прицеливался.

– Пей и поехали.

– И буду пить.

Сердитый на всех и на вся, я, громко топая ногами, именно потопал, а не пошёл, на первый этаж. Включив чайник, я посмотрел в окно. На тротуаре около дома, как раз напротив кухонных окон, стоял пожилой мужчина. Он, пряча от ветра зажатую в ладони зажигалку, старался прикурить. На кисти его левой руки висел красный пакет. На надпись я старался не смотреть. И так было понятно, что жёлтыми буквами, как обвинение в моей беспечности и глупости, было написано «Пенни-маркет».

Я, не мигая, смотрел на мужчину. Ему, наконец-то удалось подкурить на ветру. Он затаился, выпустил дым в воздух и, как мне показалось, посмотрел не в окно, около которого я стоял, а прямо мне в глаза. Этот зрительный монолог продолжался минуты две, после чего мужчина, то ли с сожалением, то ли с осуждением покачал головой. Он сложил пакет несколько раз до размера записной книжки и засунул в боковой карман. Дальше было ещё интереснее. Я вообще-то не знал, видит он меня, или нет, поэтому на всякий случай оглянулся. Чистюля на кухне ещё не появился. Я снова впился глазами в мужчину. Указательным пальцем левой руки он легонько постукал себя по кончику носа, а из правой руки, лежащей на заборе, уронил клочок бумаги в открытый почтовый ящик. После чего снова постучал себя легонько по носу. Затянувшись, мужчина пошёл дальше по улице. Представление для меня закончилось.

Судя по этому спектаклю, это и был мой несостоявшийся встречающий. Настоящий.

А что он уронил в почтовый ящик? Налив кипятка в чашку, и схватив сигарету, я, изо всех сил стараясь сохранить спокойствие хотя бы в походке, я вышел за порог.

– Ты куда? – ударил в спину вопросом Чистюля.

– Курить. На воздух. Покурю и поедем.

Едва не сорвавшись на бег, я дошёл до забора и облокотился на него, уткнувшись животом в почтовый ящик. Затягиваясь и не ощущая крепости дыма я, вроде случайно, заглянул в него. Там лежал многократно сложенный листок бумаги и старый, прилипший к стенке ящика рекламный проспект. Одним движением вытащив и то и другое, я вернулся в дом

– Нам письмо, – сказал я, показывая Воле проспект.

– Нам пора, – со злостью буркнул Чистюля, вырывая бумажку у меня из рук и швыряя её на пол.

Через пять минут мы уже сидели в машине.

Это только сейчас, спустя какое-то время, я могу понять и рассказать, куда и как мы ехали, а тогда мы опять попали под очарование другой страны – красивой, чистой и равнодушной к нам. За окном машины мелькали городки, которые мы проезжали минуты за три-четыре. Названия этих городков не ложились на слух совершенно, поэтому легко запоминались – Трова, Глинско, Ждяр. Вова ехал, пользуясь картой, в которой он разбирался... в которой он не разбирался вообще. Потом по карте я проследил наш маршрут, мы ездили практически по кругу, успев дважды заехать в городок, под названием Гавличков Брод. В результате в нём мы и остановились, выбрав пансионат «У золотого льва». Вещи из машины Вова не разрешил брать, поэтому заселились в номер належке.

Пообедали мы плотно, но не вкусно. Чтобы не лишний раз не дразнить Чистюлю, мы поднялись в номер. Только там удалось достать бумажку, которая от моего нетерпения уже начала жечь бедро.

На бумажке были написаны девять цифр. Гадать не пришлось, что эти цифры означают. Поставив жену на вахту, я набрал эти цифры на телефоне. Третий гудок отзвучал не полностью и хриплый голос в моей трубке сказал:

– Слушаю.

– Это я...

– Кто я?

– Вы мне оставили записку с этим номером сегодня утром в почто....

– Не надо мне рассказывать, что я делаю по утрам, я это и сам помню. Почему ломанулся с тем быком с серьгой? Почему не посмотрел по сторонам?

– У меня... нет ответа.

– Тебя ведь предупреждали, а ты повёлся, как лох на напёрстки. Ты же всё дело завалил!

– Что теперь делать?

– Делать! Тебе – ничего. Делать нам придётся. Запоминай, что скажу и делай так, как скажу, иначе мы не сможем вас вытащить. Во-первых, груби Вовке, хами, но не перегибай

палку. Он в приступе своей дури пристрелить сможет. Но если хамить в меру, то от этого он здорово тормозит, пока не пробуксует. О деньгах с ним не говори! Ни о каких деньгах! Скоро появится этот... Петрович и начнёт требовать у тебя возврата денег Лесника. Мути воду и играй в непонимание пару дней. Сможешь больше, нам всем будет легче. Когда устанешь морочить ему голову, можешь согласиться, но поставишь два условия. Первое, жену отправить домой. Но пока ты не получишь звонок от неё из безопасного места, до тех пор ты ничего делать не будешь. Условие второе. От всей суммы ты требуешь пятнадцать процентов, не меньше. Только на этих условиях ты отдашь им информацию о деньгах. Понял? Ещё одно обязательное условие – передача денег должна состояться в банке при свидетелях и, желательно, при полицейском. Не спрашивай ни о чём, просто делай, как говорю. Понятно? Теперь я буду тебе звонить и представляться Колей. Братом. Можешь говорить мне всё, что хочешь, но слушай, что буду говорить я. Дальше. Если в разговоре дважды повторишь «нет», это будет значить, что ты придерживаешься плана. Если дважды скажешь «да», это будет значить, что у тебя проблемы и уже ты будешь искать способ сообщить мне о них. Всё запомнил?

– Понял.

– Тогда не сорви нам дело ещё раз. Пока.

– Пока.

Наверное хорошо, что я не могу передать интонацию говорившего, но то, что она была не учтивой, это однозначно.

Вот так меня без меня женили. Снова я становлюсь игроком в чужой забаве, только с завязанными глазами. И что получается? Колода Лесника уже давно просвечивалась на предмет крапления. И кое-какой крап отыскался. Но где мне найти такого человека, который смог бы мне объяснить необходимость таких сложных и многослойных игр и операций. Вычислить слабое звено в своём окружении не так уж и сложно. Столетиями отработывались приёмы дезинформирования людей с целью выяснения источника утечки информации. Здесь же всё так запутанно... И я ещё должен что-то делать, не имея представления о своей роли. Ну, я-то ладно, но жену зачем приплетать к чужим и, возможно, кровавым разборкам? А то, что это не закончится простыми пощёчинами, я не сомневаюсь. Пули ещё посвистят над нами. Лишь бы не в нас.

Ладно, поплакали и хватит. Надо сосредоточиться. Итак. Уважаемый мною Лесник просчитался, не успел, не учёл, не разглядел и ещё много других «не», в результате чего его дом в будущем году выпадет дождём где-то в среднем Поволжье вместе с Зеней, а сам Аркадий Михайлович лежит в реанимации без руки и в коме. Это тоже часть плана, или кто-то поумнее нашёлся? Этот момент интересен, но сейчас не важен. Далее. Афишируя меня около себя, Лесник кому-то, может даже одному из своей краплёной колоды, дал понять, что я имею отношение не только к его делам, но и к деньгам. Теперь, накануне дележа денег или лидерского места в той самой колоде, я срываюсь в Чехию, где у Лесника есть свои дела, свои счета и, как оказалось, свой резидент. Теперь ещё и я есть. Вывод? Я еду за деньгами и по инерции вытягиваю за собой сомнительных друзей. И что? Дальше-то, что? Хамить Чистюле и ждать встречи в банке? В котором их с поличным кто-то спеленает? Бред какой-то. И ещё торги устраивать... Сотбис в Чехии. Спасибо, Андрей-Антон, удружил. Но как же Лесник попался, а? Старость своё взяла? Или чья-то непредсказуемая наглость и вера в безнаказанность? А Валера, наверное, что-то знает.

Глава 4

Остаток дня мы просидели с женой в номере и щёлкали переключателем каналов на телевизоре. Когда пальцы устали давить на кнопки, мы решили выйти и посмотреть то, что здесь называется Чехией. Тем более что в номере нам не хотелось ни о чём говорить.

На первом этаже крутился Вова, всем своим видом показывая, как себя должен вести провалившийся разведчик.

– Вы куда?

– Куда захотим, понятно? Или ты собираешься остановить нас, а? Ну, давай, делай что-нибудь! Чего вылупился на меня? Или отойди от дверей, или останавливай!

Вова искал достойный ответ, но он не приходил.

– И ещё одно. Ты нам со своей пукалкой под мышкой не охрана. Уяснил? Ты не друг, и не соперник. Изображай Рембо перед той тёлкой, у стойки администратора. А надумашь руку протянуть ко мне или, не дай Бог, к жене, я тебе палец сломаю. Это однозначно. И чтобы ты не сомневался. Ты один раз лихо обосрался, но на всю жизнь, поэтому я тебя не боюсь и не уважаю. А теперь отвали от дверей!

Чистюля начал расстёгивать куртку, под которой было оружие, но передумал. Мне было всё равно, почему он передумал. Мне, вдруг, стало на многое наплевать. Но неожиданно для нас путь к дверям стал свободен, и мы вышли на улицу. Настроение было испорчено, зато начало скверных отношений положено. Как же мне не хватало Валеры!

Круговорот событий в природе происходил в режиме стабильного постоянства. Что в эту минуту делал Петрович, Валера или неизвестный телефонный собеседник я не знал. Но никто в бездействии не оставался, это было без сомнений. Никто, кроме меня, который из-за дурацкого настроения рассматривал архитектуру старого города без интереса и любопытства. Ожидание каких-то событий или разговоров портило настроение впрок.

День так и закончился ничем. Не считая ужина и просмотра местных телепрограмм. Один день отвоёван. Из расчётных четырёх-пяти дней на подготовку к новой операции, один можно вычеркнуть.

На следующее утро, когда мы пили кофе, номер без стука вошёл Вова. Он оглядел номер, посмотрел на кофейный столик и решил открыть рот.

– Сегодня никуда.

– Значит, слушай сюда! Я всегда разговариваю с людьми так, как они разговаривают со мной. Это моё правило и сейчас оно сработало. Ты вынесешь из комнаты свою жопу, поступишь и испросишь разрешения войти. Войдёшь тогда, когда тебе позволят. Если ты не понимаешь, в чём дело, то здесь находится женщина. Далее. Входя в помещение надо здороваться. Если ты этого не сделал, то ты проявил неуважение к тем, кто в помещении. То есть к нам. А если ты не уважаешь нас, то мы не уважаем тебя. Другими словами, если я не нужен иску-

ству, то на кой хер оно мне сдалось. Понятно? Хотя это уже не важно. Поэтому я плевать хотел на всё то, что ты сегодня сказал. И буду делать то, что захочу. Вова, на сегодняшний день я стою столько денег, что стоит мне только пукнуть, как тебя тут же отправят изображать непобедимого бойца в коровнике перед быком-производителем. Ты для нас не указ и не охрана. Ты... короче, вали из комнаты! Надо будет, тебя позовут. Чего стоишь? Может, выстрелить хочешь? Ну, смелее! Не стреляешь? Тогда слиняй с экрана! Ты нам надоел. Разговор окончен!

– Ты ещё побазаришь у меня! – Как-то недобро сказал Вова, но из комнаты вышел.

– Ты с ума сошёл? – Спросила жена. – Что ты его драконишь?

– Он мне не нравится.

– Я тоже его фотографию над кроватью не повешу, но злить его зачем?

– Пока они не получают от меня денег, Петрович позволит мне говорить всё, что угодно. Да и в их лагере нервозность не повредит. Был бы повежливее с нами, всё было бы иначе, а так....

– Со своей мнимой безопасностью, ты просто растягиваешь резинку, которая не может растягиваться вечно. Если она лопнет, то одним концом режет по нам. Это тебе понятно?

– Понятно. Слушай, здесь рядом есть город с интересным названием Ждирец над Дубравой. Давай туда поедем? На день. Это тридцать-сорок километров. Вечером обратно приедем. Так мы протянем ещё один день и заодно пропустим воспитательный момент от Петровича.

– Поехали, только не заводи этого придурка.

– Как выйдет.

Но не вышло никак. Вову мы нигде не встретили по пути из пансионата. На улице его не было тоже.

Подозвав такси, мы поехали в соседний городок, который привлёк нас названием с чем-то там над Дубравой.

Этой самой Дубравой оказалась речка в четыре шага шириной. Чем должен был оказаться Ждирец над этой рекой, нам узнать не довелось. Жизнь становится немного интереснее, когда в ней есть что-то непознанное.

Городок мы обошли вдоль и поперек минут за сорок. На три тысячи населения здесь был заводик, а почему был? Есть заводик, три СТО, магистратура, больница, футбольная команда и три кафе, по местному называемых «господа», с ударением на второе «о». В одной из таких господ мы решили попробовать настоящего Чешского пива.

Мы сидели за столиком, потихоньку смаковали по-настоящему вкусный напиток и, не спеша, обменивались мнениями, относительно увиденного, услышанного и выпитого.

– Извините, вы здесь на работе или проездом?

– Во как! В такой глуши и такая речь! Здравствуйте! Мы здесь изображаем из себя туристов. Хотите присесть?

– Спасибо. Виктор, – представился подошедший и придвинул себе стул.

Мы по очереди назвали себя и, как положено в случае нового знакомства, начали переживать первые молчаливые минуты в компании нового человека. Слова старательно не скатывались с языка, а мысли плавно перекали в бесполезные жесты.

– Я вот что предлагаю, – сказал я. – Давай быстренько выпьем, перейдём на «ты» и выйдем из этого ступора. А то разговор повис в воздухе. Возражения?

– Согласен. Я закажу.

Высоченная чешка принесла нам на подносе три стопки и, как-то по-домашнему улыбнулась, ставя стопки на стол перед каждым.

– За знакомство, за «ты» и за всё такое прочее.

Выпитое оказалось очень вкусной водкой, которую не хотелось закусывать. В приступе удовольствия, я попросил официантку принести нам бутылку этой штуковины. Что и осуществилось.

– Мы и вправду тут туристами. Просто катаемся по Чехии и смотрим по сторонам. Заехали в... этот... Брод, ну ты понял, о чём я говорю... ага, Гавличков Брод, ну и поехали сюда, купившись только на название. Ждирец над Дубравой. Решили осмотреть местность. Но оказались в госпде. Такая у нас история. А ты как здесь оказался?

– По разводу за мои деньги.

– Звучит, как экстремальный вид спорта. И что это такое, если не секрет?

– Я приехал сюда на работу вместе с женой. И уже здесь узнал, что нас развели. Не в смысле брака, а в смысле развода, как кроликов.

– Ясно. Наколпачили на ёжика.

– Ну, что-то такое. Сначала было обидно до крика, а потом осталась только злость. Ну да ладно, хватит о грустном.

– Погоди. Эти чехи здесь так изгаляются? Я про развод?

– Нет, это свои. Хохлы.

– Интересно, а без хохлов в мире происходит хоть одна гадость? Бен-Ладен, как я понимаю, на втором месте.

– Скорее всего, нет. Без них никуда.

– А ты украинец?

– Нет, я русский. Мне по судьбе выпало жить на Украине. Родители русские... просто после войны они по институтским направлениям приехали на Украину.

– Как и мои.

– Короче, было у нас так. Когда дома стало напряжённо с работой, мы начали крепко думать, что делать и куда деваться. На глаза попало объявление в газете, что можно попасть на работу в Чехию. Фирма помогает оформить документы. Вот мы и поехали в эту фирму. «Калейдоскоп» называется.

– Это где такая роскошь?

– В Донецке. Ну вот. Нам такое рассказали, что мы на домашнем совете решились на поездку. Собрали какие-то документы, фотки и поехали оформляться. Тут нам и объявляют по полторы тыщи евро с носа за их услуги. Мы начали им мягко намекать, что в объявлении было написано про полное или частичное кредитование. Эти лбы, в фирме, начали буксовать, что-то мямлить про то, что это исключительный случай, что всё-таки лучше заплатить и всё такое. Одним словом, нас уговорили на половину суммы. Но они, лбы эти, тут же говорят, что за использование кредита, то есть второй части суммы, мы должны им заплатить. Ладно, заплатим, решили мы. Нам пообещали, что месяца за три, максимум за три с половиной мы уже будем в Чехии. Отдаём им деньги, принесённые документы и начинаем ждать. На пятый месяц ожидания нам звонят и предлагают приехать.

– А вы раньше не созванивались?

– Звонили. Но они такой бред несли! Вроде документы отправили, там, в Чехии, их уже сделали и, вроде, отправили обратно. Но их отправили в одном пакете с документами из других городов. Поэтому эти документы и кочуют из города в город. В общем, вызвали нас снова в «Калейдоскоп». Нас там передают какой-то Свете, которая будет вести нас дальше. Эта Света с большим декольте и с постоянным перегаром, который старалась замаскировать жвачкой, начала изображать из себя старшего специалиста по Чехии. Нам пообещали заработки по тысяче евро и больше. И тут, с верой в эту сумму, которая показалась нам заоблачной, мы перестали по-настоящему обращать внимание на всякие мелочи, которые происходили в этом «Калейдоскопе». Но сомнения потихоньку начали отступать, когда нам позвонили из Чешского консульства и пригласили на собеседование. Раздаётся второй звонок и наш «куратор» Света приглашает нас для последнего собеседования перед визитом в консульство. Едем. Она в своём обычном похмельно-жвачном состоянии начинает с нами общаться. Спрашивает нас на полном серьёзе: «Вы уже выучили чешский язык?». Мы только переглянулись. Какой дурак его учил? Ага. Теперь, говорит она, мы заполним анкету на Шенгенскую визу и достаёт чешский алфавит. Представляете? Она, работая по Чехии, заполняет анкету с алфавитом! Но самое противное, что вот такие мелочи, которые запомнились и только здесь стали такими подозрительными, там, в «Калейдоскопе», нам действительно казались только мелочами. Ну, ладно. Потом эта Света начала сильно путаться в названии валюты, в которой мы будем получать свои тыщи. Были и евро, и доллары и коруны. Наконец-то заполнив, эту несчастную анкету, она начала нас предупреждать о неразглашении в консульстве названия её фирмы. Говорила о возможных вопросах, о необходимости запомнить адрес, по которому мы будем проживать. Весь свой рассказ она сервировала обильным амбре изо рта. И на это мы тоже большого внимания

не обратили. А свой монолог она закончила тем, что уведомила нас о необходимости уплатить ей ещё по двести евро с носа за ускорение оформления документов. Вот тут уже не выдержала жена. Она её спросила, как же так вышло, что по их же обещаниям, мы, вот уже два месяца, должны быть в Чехии, хотя ещё сидим дома? В чём заключается ускорение, за которое надо платить? Эта Света снова одарила нас ароматом дыхания и сказала, что поговорит ещё и всё выяснит до конца. С кем поговорит и что выяснит, она не рассекретила. Я не знаю, поймёте ли вы наше состояние или нет, но наша, почти врождённая затурканность, не давала ни малейшей возможности трезво взглянуть на каждую минуту, проведённую в «Калейдоскопе». Перед глазами и в ушах стояло обещание большого и постоянного заработка. А как бы вы вели себя на нашем месте? В той жопе мира, под названием Украина, при постоянных кризисах внутри, даже без мирового, получить заработанные деньги или получить по жопе было равноценным событием. И вдруг, на фоне документов, написанных на чешском языке, вам обещают большой заработок... Мы просто не обращали внимания на нестыковки в их разговорах, я о «Калейдоскопе», мы почти перестали обращать внимание на постоянно появляющиеся и необходимые платежи... мы ведь рассчитывали заработать в Чехии и перекрыть наши калейдоскопические расходы. Да... Ну, так вот. В назначенный день мы приезжаем в консульство. Очередь, сдача документов, оплата, и, наконец, личный разговор с мужиком-чехом, который может быть даже и консул. Ответили мы всё, как надо, вроде всё в порядке. И тут же этот чех мне говорит: «А почему вы не оформили документы в обычную чешскую фирму? Зачем вам кому-то переплачивать ни за что?» Представляете, а нам и ответить нечего... Я тому, в консульстве, сказал, что не имеем информации о тех чешских фирмах, которые берут иностранцев на работу. Поглядел на меня тот чех с сожалением и ничего не сказал. Это теперь я точно знаю, что выражал его взгляд. Тогда же я думал, что эта его фраза не больше, чем провокация, что он хочет выведать у меня название фирмы, которая меня отправляет... Снова мы дурканули. Какое-то зомбирование было, честное слово! Ладно. Выписали нам, после консульства, бумажку с цифрой нашего остаточного долга. И опять не забыли взять с нас деньги за справки и бронирование мест в автобусе до Праги. И опять возник вопрос об оплате за ускорение оформления документов. Жена опять в штыки – какое ускорение? Прошло два лишних месяца сверх обещанных трёх, а вы про ускорение. Калейдоскоповские по столу глазами шарят, что-то бормочут о том, что они уже оплатили это ускорение из своего кармана, но не их вина, что кризис туда и сюда... Мы отказываемся платить, тогда они решают содрать с нас деньги за то, что нам в консульстве обещали дать ответ в течение трёх месяцев, а фактически дали через месяц. Это, мол, они подсутились и не только способом личного контакта, но и в материальном воплощении. Мы, как дураки, спрашиваем, как вам удаётся сидя в Донецке решать вопросы на межгосударственном уровне? Они скромно отвечают, что нет предела их возможностям. Короче говоря, взяли мы бумажку с рисунком нашего долга и отправились до города Градец Краловы, где нас должен был встретить тот, кто делал наши документы в Чехии и кто предоставлял нам тысячевровую работу. Такой вот два в одном. Вот мы Чешской земле. Сидим на вокзале часа три – ждём. Вокруг всё необычно, красиво и от этого даже страшновато. Появляется наш соотечественник и ведёт нас на стоянку к машине. Здесь мы и узнаём, что этот соотечественник, Евгений Каторгин, нас не ждал, и у него нет для нас работы. Пиз..., ой, извините, не сдержался. Что бы вы сказали в тот момент? Этот Каторгин продолжает нас добивать, говоря о том, что с этим «Калейдоскопом» вообще сложная ситуация, они ему за оформление документов для десятерых человек деньги не переслали, а людей гонят и гонят. Оформление пакета документов, на одного человека, ему обходится в пятьсот долларов, что он работает себе в убыток, но врождённое человеколюбие и порядочность заставляют его бесплатно помогать людям, хотя эти люди могли бы напрямую к нему обратиться и все вопросы решались бы дешевле для самих людей, и для его, Каторгина, человеколюбивой порядочности. Это сейчас я рассказываю обо всём так спокойно. Ну, относительно, спокойно, а тогда... Ну вот. Садит

он нас в машину и везёт в этот Ждирец. Да, с нами в автобусе оказались ещё двое, которые ехали к тому же Каторгину. В сумме нас было четверо, но работников, фактически, двое – это те, кто ехал с нами в автобусе, Лена и Витя, по прозвищу Паганель. Они оформлялись непосредственно у Катогина, ему же они и платили, поэтому и были дороги его человеколюбивому сердцу. Дороги настолько, что прямо из машины сделав один звонок, Каторгин устроил вновь прибывшую Лену на работу, самостоятельно уволив другую работницу. Уволил, мотивируя её плохой работой. Когда он успел об этом узнать и откуда у него право убирать с работы неугодных, не знаю. Но факт остаётся фактом. Витя-Паганель получил работу через день. Мы с женой ждём хоть какой-то работы две с половиной недели, сидя в общежитии. Само общежитие сделано в форме буквы «П», это традиционная форма постройки для тюрьмы с внутренним двориком. Нам выделили отдельную, ... чуть не сказал камеру, комнату. Стены белые, потолок из вагонки, на полу линолеум, в окне стеклопакет. Старый диван с толстым поролоновым листом был единственным представителем мебели. Через месяц нам дали шкаф. Комната была чистая, сухая и почти тёплая, потому что иногда сквозило из-под дверей и частенько отключалось отопление. Но в целом – очень приличное жильё. На то же этаже было ещё три комнаты для семейных, которые были заселены. Был отдельный туалет, душевая кабина с холодной водой и кухня с баллонным газом. Да, ещё был холодильник с отдельной полкой для каждой семьи. В общем, из всего того, что обещал «Калейдоскоп», в реальности осуществилась только одна отдельная камера... чёрт! Комната! И всё. Развод начался и благополучно набирал обороты. Практически каждую минуту мы задавали себе вопрос – какого лешего мы здесь делаем? Сидеть в комнате за границей можно было бы и дома в мечтах. Так мы ещё и проедали деньги, которые с собой привезли. Настроение, в котором мы находились, не передать. Короче говоря, через два-три дня активного бездействия и под влиянием решимости, не подкреплённой знанием законов, мы говорим Каторгину, что если у вас нет для нас работы, то мы хотим уехать в другое место, скажем в Польшу. Он нас благословил и вызвался подвести к поезду. Но тут нам подсказывают, что нам нужна прописка и ставится она в трёхдневный срок, иначе будут проблемы. Вот так. А Каторгин о прописке нам ни слова не сказал и ещё согласился на наш отъезд, прекрасно понимая, на что мы можем нарваться. Да, а когда мы пересекали польско-чешскую границу, мне на мобильный телефон пришло сообщение, что при необходимости я могу обратиться в Украинское посольство и дали номера телефонов. Я набираю один из номеров и, представившись, задаю вопрос о том, сколько дней при моей визе и легальном положении в Чехии я могу быть без прописки. Знаете, что они ответили? Не догадаетесь. Они сказали, что не знают! И положили трубку. Я снова звоню и уже не так вежливо говорю, что я не вопрос из кроссворда для интеллектуалов спрашиваю, а нахожусь в конкретной ситуации, в которой счёл необходимым обратиться в посольство страны, гражданином которой я являюсь. К сожалению. Они снова отвечают, что не могут ответить и дают телефон консульства. Звоню в консульство минут двадцать, и, наконец-то берёт трубку какая-то девица. На мой вопрос она даёт исчерпывающий ответ. Она не знает. Видимо во время разговора со мной мимо этой девицы кто-то проходил и она задала мой вопрос этому проходящему. Тот, как я и ожидал, тоже ни хера... ой, простите, ничего не знал. Вот так. Девицы ещё сказала, что через два дня будет консул, может он знает, поэтому она предлагает мне перезвонить позже. Вот так я и не смог разгадать тайну, хранящуюся в министерстве иностранных дел. Да и чему удивляться, если у министра этого ведомства фамилия Огрызко! Теперь я точно знаю, что фамилия человеку даётся не просто так, она многое определяет в его судьбе и характере. И ещё одно я понял точно. И навсегда понял. Никогда, нигде и никому ты не нужен ни в своей стране, ни за её пределами. Если на мой простой вопрос нет ответа, то что можно ожидать морякам, которых захватили негры из Сомали? Так что полагаться больше не на кого – формальная страна и формальная власть. Потом я не знаю, что случилось, но этот Каторгин даёт нам возможность поработать в общежитии, мы ведь ехали отделочниками. Предлагает поработать месяц, хотя работали мы две недели. Пока-

зали, что умеем, показали, что знаем и всё. На стройку нас больше не пускают. Там работают бывшие трактористы и звеньевые колхозов. То есть качество никого не интересует, работать должны только свои люди. Понятно? Ну вот. После ещё нескольких разговоров о том, что для нас нет работы по специальности, по которой мы приехали, нас отправили на Зеленину. Это овощная база. До сегодняшнего дня мы работаем там. У жены, правда, воспалились почки от сырости и холода. На этой базе, я подорвал спину, перетаскивая по семь-девять тонн овощей только руками. Такая вот штука. Зарплату не дают, только авансы на продукты. Объяснение такое. Зарплата за месяц, скажем, январь, будет выплачена в марте, и так дальше по нарастающей. Всё бросить и уехать – жалко, теряешь деньги за отработанный месяц. Так нас и держат. Да, что он ещё придумал. Здесь он тоже снимает деньги за оформление документов по пятьсот долларов с человека. Понимаешь? Фирма сняла полторы тысячи евро, он – пять сотен долларов. Во сколько обошлась эта долбанная работа? Во столько же, во сколько обошлось дурацкое желание поработать в Европе. Тут ведь чехи мало что значат, не смотря на то, что они в своей стране. Чехия поделена на зоны, одной из которых владеет Каторгин, имеющий людей и обирающий их. Система очень проста – он оформляет документы для выезда в Чехию любому, кто заплатит. Тот, на радостях от встречи с Европой, согласен отработать Каторгину долг. Но ещё на Украине этот кандидат в Европу не имеет никакого представления о сумме долга. Вот документы готовы и этот некто в Европе. Его устраивают на работу корун, скажем, на 85—90 в час, а в глаза говорят, что ему повезло и его оклад самый большой в этом регионе, аж пятьдесят пять корун. А разница остаётся у Каторгина. Таким образом, он снимает по 30—35 корун в день с каждого работника, а при официальном оформлении документов в две тысячи, Каторгин отбирает десять с половиной тысяч с человека. И эти суммы, в качестве призового бонуса, работник узнаёт только тогда, когда собирается уезжать домой. Такой вот развод. «Калейдоскоп» и какие-то резиденты на местах в Украине присылают Каторгиным людям, желающих поправить любым способом своё материальное положение, ставшее катастрофическим из-за повального воровства бездарной власти с косой и диоксином. Тут, в Чехии, люди попадают в ситуацию, которая ничем не отличается от домашней, кроме языка. Ничем. Я тут ещё об одном подумал. Вот смотрите, что получается. На Украине уже несколько человек пытались и официально и, скорее всего, через бандитов, потребовать сатисфакции от этого «Калейдоскопа». Без результата. Даже официальное обращение в милицию ничего не даёт. Почему? Теперь история с посольством и консульством в Чехии. Они что есть, что их нет – результат нулевой. Они не заинтересованы в помощи согражданам. Тоже почему? И последний вопрос. Каторгин в Чехии этим занимается уже лет восемь, я имею в виду пересылку людей. Информация о документах, которые он оформляет, не является секретом. Не тайна также и количество документов, которые срабатывает Каторгин. И за это время он ни разу не попал под внимание бандитов? Государственных бандитов из огрызковых иностранных дел и обычных бандюков, уровня самого Каторгина? Никто не обратил внимания на бесконтрольный и постоянный приток людей и денег, к какому-то там Каторгину в заштатном городишке? Да чтобы вы не сомневались! Это система, которая кормит и тех и других бандитов. Только государственные бандиты крышуют Каторгину по-взрослому. Ещё бы, это же посольство и консульство, вроде как авторитет. Пусть страна изговняла себя такой властью, но посольство штука авторитетная в любой стране, даже если это посольство нашей с вами цитрусовой республики. Та же госмашина прикрывает и «Калейдоскоп», по той же схеме. Это, только на словах, для тупоголовых, власть, что-то делает для страны. А вот представьте себе, сколько денег пошло бы в бюджет страны от всех этих «Калейдоскопов» и от Каторгиных. Что я не так говорю? А вы видели хоть раз хоть какую-нибудь информацию о правах украинца, выехавшего не в какую-то там страну, а в уже общую Европу? Не видели. Потому, что её нет. Её попросту нет. Нет, она есть. Но где-то там, на каком-то там сайте, на который заглянуть может совсем не каждый. Нет обычной печатной информации, такой, как бигборды со счастливыми мордами кандидатов. Информации нет.

Её и не может быть! Её нет специально!!! Держать в неведении людей выгодно для кармана сидящих во власти. «Калейдоскоп» кому-то платит в Донецке, Донецк отстёгивают в Киев, а там собранную дань собирает доверенная особа еврейской девочки с куличом на голове или псевдоотравленного. Такая вот страна, народ и любви дружи.... Но если я не интересен этому голодоморному государству, то оно меня тоже не беспокоит. Поэтому я ищу способ вернуть свои деньги, а не наказать «Калейдоскоп» и Каторгина. Хотя есть способ разорвать Каторгина, но в одиночку сделать это тяжко. Да и лезть в драку ради этих трусливых хохлов, зализывающих зад Каторгину ради пары тысяч аванса, а в свободное от этого занятия время клянущих его последними словами, не хочу. Если даже у меня и получится затея с выбиванием денег, то эти хохлы через час меня забудут, считая, что они всего добились сами. А вот, ежели, я проиграю, то чтобы поболее понравиться Каторгину, они меня камнями забьют. С хохлами дел не сделать. Кстати, я недавно подумал, почему у многих национальностей есть по два названия? Вы не задумывались над этим? Мне кажется, что я понял. Титульное название нации достаётся только маленькой части этой же нации, порядочной, что ли, честной, человечной. Остальным достаётся кличка. Мне это пришло в голову тогда, когда я слушал свежие анекдоты от свежеприбывших. Ни один анекдот не включает в себя таких персонажей, как, скажем, украинец, русский, якут. Есть хохлы, кацапы и чукчи. Вместо евреев – жида, вместо белорусов – бульбаши, и тому подобное. Это не случайно. Люди, носящие национальную кличку и ведут себя так, как существа, носящие кличку, а не имя. Как шавки подзаборные, накинуться сворой и разорвать могут, а в одиночку – мокрозадые трусы. Вот почему-то эти и концентрируются у Каторгина. И общежитие живёт по законам 37 года. Что-то вынюхивают друг у друга, подслушивают, что-то неверное специально подсказывают. Цель этих действий хохляцкого каторгинства настолько чётко прослеживается, что до рвоты становится мерзко. Цель – сдать Каторгину своего соседа по комнате, любого, с кем ешь, работаешь, собутыльника, с кем вместе в магазин ходишь, у кого деньги занимаешь на хлеб и на пиво.... Сдать, и тем самым получить у шефа бонус, который заключается в том, что появляется шанс не быть выгнанным из Чехии ещё какое-то время. Ещё какое-то время есть возможность понижее поклониться перед Каторгиным и раздвинуть свои ягодицы, при этом елейным голоском у него спросить: «Женечка, а тебе удобно меня фик-фик? Может пошире раздвинуть попу?» Мерзость, какая! А Каторгин млеет от удовольствия... царьком себя уже почувствовал. Хочет – выгонит, хочет – даст подзаработать. Эдакий вершитель судеб со сладостным привкусом власти не только во рту, но и в глазах. Тоже не так давно мысль пришла интересная. Теперь размышлять о многом получается, разговаривать ни с кем не хочется. Вот с вами разговорился. Не устали от меня? Ну, спасибо. Так вот, мысль пришла в голову. А как, интересно знать, фамилия человека влияет на его характер или судьбу? Я уже, практически, уверен, что влияет. Или имеет очень тесную связь с тем, что происходит с человеком в жизни. Вот такой пример. В Москве есть ресторан с чем-то там ещё развлекательным, ну не важно, так этот ресторан называется «Метелица». Слышали? Так вот, его строил, ну не в одиночку, конечно, знакомый, по фамилии Вьюгин. Связь улавливаете? Другой знакомый, геолог, половину Сибири пешком обходил, он носит фамилию Никитин. Как его тёзка, путешественник, только он не Афанасий. Мой одноклассник дослужился до генерал-майора, и фамилия такая же, Хорунжий. А у этого работодателя в Чехии фамилия Каторгин. Аналогия ни с чем не прослеживается? Если переделать фразу Жванецкого, то, что с человеком ни делай, он упорно соответствует своей фамилии. Да, ещё немного о людях. Так вышло, что мы сюда приехали, но нас сюда не звали. Мы сами к чехам припёрлись. В их страну, в их культуру, в их привычные взаимоотношения друг с другом.... Но что наши тут вытворяют! На работе одна девица, лет двадцати с небольшим, готова была лечь под любого чеха с целью, наверное, и ей самой до конца не понятной. Её, мягко говоря, упрощённое поведение дошло до того, что рабочие-чехи начали откровенно издеваться над ней. То покажут ей жест, используя который, лыжники отталкиваются палками при ходьбе, то назовут её бл... ю. Она, в ответ,

только довольно хихикает и всячески поощряет их. Вместе с этой девицей, Леной её кличут, работают ещё несколько женщин, в том числе и моя жена. И у чехов отношение к этой идиотке начинает проецироваться на всех женщин из этой страны. Кому это может понравиться? Я работал в той же бригаде. Если бы чех показал, может уже по привычке, такой жест моей жене, то был бы скандал, и большой. Но какой спрос с чехов, если они видят в представительнице Украины только ****ь и рабочую скотину? Где, хоть какое-нибудь женское достоинство у этой Лены? Где достоинство человеческое? А его нет. И не было. Никогда. И это достоинство не закладывалось никем и ничем в этой, в смысле нашей стране. Потому, что они хохлы. А украинцы, которые в любой ситуации остаются достойными людьми в любой стране мира, катастрофически вымирают. Теперь и страну надо назвать не Украина, а Хохляндия. Причём с маленькой буквы. Вот сейчас вспомнил пару разговоров, которым я был свидетелем. Это так, для прикола расскажу, если хотите. Ехали мы машиной с работы, я с женой, молодая Лена и водитель, по имени Саша. Разговор, в общем-то, начал я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.